

Мишель Вико

Отражение зла

фэнтези

Мишель Вико

Отражение зла

«Издательские решения»

Вико М.

Отражение зла / М. Вико — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740614-1

Сказочная история с извечной темой добра и зла, произошедшая в мире, где кроме людей можно повстречать великанов, драконов, добрых и злых волшебников. Это первая книга из трилогии «Люди и Колдуны»

ISBN 978-5-44-740614-1

© Вико М.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Первая часть	8
Глава 1. Дом в лесу	8
Глава 2. По возвращении домой	12
Глава 3. Визит к мудрецу	14
Глава 4. Начало пути и знакомство с Сузуме	16
Глава 5. Что сказал старик Макото	19
Глава 6. Такехико и Сузуме	21
Глава 7. Попытка встретиться с колдуном Кабоку	24
Глава 8. О колдуне Кабоку и маленькой птичке по имени Котори	30
Глава 9. И всё же Кабоку добрый колдун	32
Глава 10. Немного о колдуне Доубуцу и о том, как пропал Сузуме	35
Глава 11. Колдун Доубуцу и его дочь	39
Глава 12. Кратко о Симидзу и его госпоже	42
Глава 13. Такехико и колдун Доубуцу	44
Глава 14. В гостях у повелителя лесного ручья Симидзу	48
Глава 15. Чёрный лес	50
Глава 16. Снова в обычном лесу	56
Глава 17. Демон Дааку и его слуга великан Оокина	58
Глава 18. Странный незнакомец	60
Глава 19. Встреча с драконом Тацу	65
Глава 20. Прощание с драконом Тацу и продолжение путешествия	69
Вторая часть	71
Глава 1. С кем повстречались Такехико и Сузуме вблизи Холодных гор	71
Глава 2. Встреча с Цуметай, хранителем Холодных гор	74
Глава 3. Ночное нападение на дворец	76
Глава 4. День после нападения	78
Глава 5. Великан Оокина в плену у колдуньи Акаи	80
Глава 6. Тайная пещера секретов	83
Глава 7. Зачем колдунье Акаи понадобился монстр Каидзюу	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Отражение зла

Мишель Вико

© Мишель Вико, 2018

ISBN 978-5-4474-0614-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Вся эта, на первый взгляд вполне простая история, краткое, весьма краткое предисловие, к которой вы уважаемый читатель в настоящее время, как раз и читаете, началась, представьте себе, в обычный и ничем не примечательный день, когда один молодой человек, чей общий образ я вам ещё набросаю в ходе моего дальнейшего повествования, в одиночку отправился в лес.

Как видите, я нисколько не преувеличил, когда сказал вам уважаемый читатель, что история выглядит простой, поскольку спокойная прогулка по лесу, прежде всего, являлась именно прогулкой, и совсем не обязательно ей было ещё становиться из ряда вон выходящей. К тому же, это особенно касается тех случаев, когда речь заходит о людях деревенских, а Такехико был жителем самой обычной деревни. Это города в большинстве случаев, своим непосредственным географическим расположением отдалены от природы, и в том числе от самого обычного леса, чего никак не скажешь про деревню находящуюся непосредственно поблизости от всевозможных лесных территорий, где каждому деревенскому жителю с детства всё вокруг знакомо.

И всё же, у этой истории, простите за откровенный каламбур, своя история. Она произошла в те далёкие времена, когда никого нельзя было удивить волшебством, так как маги, колдуны, колдуньи, ведьмы и разного рода демоны, духи, великаны и монстры, жили повсюду и порой, если не совсем рядом с людьми, то всё равно весьма в недалёком соседстве от них. Больших пояснений для обозначения временного отрезка давно прошедших дней, я, пожалуй, давать воздержусь, ибо не вижу в этом особой надобности. Лишь скажу, что все события, случившиеся в те далёкие времена, произошли в одной из тёплых стран, а какой именно стране, позвольте мне также умолчать.

Возвращаясь же к словам о только что перечисленных героях истории, дополнительно следует подметить, что среди всех обладателей колдовской силы, были, и добрые, и злые личности. Каких колдунов было больше, сказать трудно, потому что время от времени, самые старые из них уходили в мир иной, причём не всегда по своей воле, а вместо ушедших, появлялись другие, молодые и амбициозные. Поэтому, образно выражаясь, чаши весов, добра и зла, всё время колебались, постоянно перевешивая друг друга, и если когда-либо бывало равновесие, то потом оно всё равно нарушалось тем, что одна из чаш становилась тяжелее. И даже случались большие перевесы.

Во всяком случае, все люди, от мала до велика, знали про существование такого рода соседей, и если не каждому доводилось в своей жизни встречаться с мастерами магии, то уж слышать о них приходилось всем и весьма часто. И дело тут вовсе не в любопытстве человеческого, которое могло заставить любого из людей искать встречи с колдуном, само собою добрым, ибо злых все опасались, а до глубины души тривиальное обстоятельство самой жизни, которая, так или иначе, сводила людей и колдунов в обыденной повседневности.

Сказав же о том, что люди всё же иногда искали встречи с колдунами, ещё раз подмечу, добрыми колдунами, я имел в виду как раз те случаи, когда в помощи колдуна, глубоко нуждались. Но только, не могу не поставить в очередной раз акцент, в помощи доброго колдуна, всячески избегая любых встреч со злыми колдунами. И не напрасно, так как последние, весьма часто мешали людям своими делами, доходившими иногда и до откровенных козней.

Ко всему мною вышесказанному, перед тем как собственно начать повествовать всю историю, предисловие к которой вы сейчас прочитали мой уважаемый читатель, мне хочется добавить только маленькую поправку, что наш главный герой в своих приключениях будет отчасти противоположен некоторым моим словам, а каким именно словам, вы сами узнаете и поймёте, когда продолжите своё чтение.

Мне же теперь только остаётся начать рассказывать вам саму историю с самого её начала, ничего не утаивая и не прибавляя, повествуя лишь о том, что было на самом деле, позволив себе разве что разного рода отступления, для приукрашивания и пояснения давно минувших событий...

Первая часть

Глава 1. Дом в лесу

С трудом пробираясь через густые заросли молодого бамбука, Такехико, так зовут нашего главного героя, из-за которого в общем-то вся эта очень давно случившаяся история, и началась, почти не обращал своего внимания на крики перепуганных лесных птиц. А между тем, крылатые жители леса, обеспокоенные неожиданным появлением человека среди их исконных владений, ни на минуту не смолкая, перелетая в кронах деревьев с одного дерева на другое, сопровождали его своими, пронзительными, беспорядочными, возмущёнными, громкими голосами.

Объяснением же такому немиролюбивому поведению обычных лесных птиц служило то обстоятельство, что человек здесь был крайне редким гостем, и поэтому легко смог одним лишь своим видом, вызвать такой невообразимо сумбурный переполох среди разнородного птичьего царства, жители которого, летая повсюду, хорошо были знакомы с тем, как опасны, бывают люди.

А между тем Такехико продолжая свой путь, думал сейчас только об одном: «где именно в этом лесу, может находиться тот самый заброшенный старый дом, о котором, старожилками его родной деревни, было рассказано молодому поколению, столько разных, страшных, волшебных историй, рассказов и легенд».

Ведь только благодаря этим самым легендам, которых Такехико наслушался и от своих родителей и от старейшин деревни ещё с малолетства, он был сейчас здесь в этом лесу, потому что с того самого первого рассказа о старом доме, ему захотелось увидеть этот дом лично. И, конечно же, став совершеннолетним, Такехико загорелся непреодолимым желанием посетить старый заброшенный дом, к которому не существовало проторённых дорог, и более того, не было такого случая, чтобы среди людей населявших окрестные деревни, нашлись желающие посетить его.

Никто из людей, ни ныне, ни раньше проживавших в деревнях, кои находились в этих краях, ни толпой, ни в одиночку, никогда не решались даже появляться в той части леса, куда сейчас направлялся Такехико. И уж тем более никому в голову не приходило, искать старый дом, дом, который по широко известному всем преданию, был жилищем злого колдуна, некогда жившего и вершившего свои злые козни здешнему люду, и сгинувшего однажды в неизвестность.

Что послужило тому внезапному исчезновению старого злого колдуна, осталось тайной, раскрыть которую никому не хотелось, ибо страх перед домом, брошенным домом, поглощал человеческое сознание и омертвлял силу воли, подавляя в людях любое желание даже думать о том, чтобы познать тайну исчезновения Идзивару. Даже имя старого колдуна, имя Идзивару, пугало людей, всецело являясь олицетворением всесветного зла. Страх был таким же сильным, каким представляло то наследие вселенского ужаса, осевшее в памяти людей видевших колдовство Идзивару, обитавшее в умах людей соприкоснувшихся со следами чёрной магии Идзивару, и заставлявшее трепетать любого из них при одном только упоминании имени колдуна, когда он был жив. Теперь же, когда его не стало, о нём иногда вспоминали, но только в легендах, и в большинстве случаев, только те жители окрестных деревень, которым лично никогда не приходилось видеть ни его колдовства, ни его самого, и узнавших о нём в своё время, благодаря рассказам непосредственных очевидцев, коим буквально каким-то чудом удалось остаться в живых.

И скорее всего, их чудесное спасение было связано с тем, что колдун Идзивару просто не успел заметить вовремя схоронившихся от него людей, потому что иначе, они, или погибли бы, или попали к нему в плен, что также не сулило бы им ничего хорошего.

Всё это лишь сильнее будоражило сознание Такехико, который всегда был готов на любые подвиги и приключения, и который теперь хотел не просто побывать в этом доме, а по возможности открыть для себя что-то новое и неведомое, и может быть даже узнать, куда исчез колдун Идзивару. А что именно нового можно было открыть в брошенном пустом доме, Такехико и сам пока даже не предполагал, поскольку родился, когда колдуна уже не стало, и всё что он знал о нём, было известно ему, как я вам уже говорил, уважаемый читатель, только из тех самых преданий, легенд, рассказанных, его матерью и отцом, и дополненных старожилками деревни. А так как Такехико с детства слыл одним из самых отважных, сильных и ловких среди своих сверстников, его характер только закалялся год от года в этом направлении и к совершеннолетию он уже стал истинным воином, прославившим своё имя в родной деревне за вышеозначенные качества.

Жизнь в деревне шла своим чередом, и всё давно уже было слишком привычным для уверенного в себе Такехико, который пытался хоть как-то разнообразить свою жизнь, но так чтобы при этом не разрушить уклад семьи, и не мешать всей деревне. Вот именно поэтому, сегодня рано утром, облачившись в своё любимое зелёное кимоно, он никому, не говоря об истинной цели своего мероприятия, и отправился в лес, якобы за целебными травами, а на самом деле решил найти этот старый заброшенный дом, дом колдуна Идзивару.

Спутников для своего путешествия он искать не стал, и даже напротив, ему пришлось долго отговаривать свою родную сестру Сайюри, чтобы она не ходила с ним в этот день, пояснив, что желает побыть наедине с природой, естественно пообещав ей, обязательно взять её с собою в следующий раз, когда снова надумает идти в лес.

Итак, шагая сейчас по лесу в полном одиночестве, и находясь при этом в весьма хорошем настроении, Такехико выбирал направление своего путешествия, ориентируясь только по тем скудным сведениям, что известны были ему из рассказов старых воинов, и видимо судьба его к нему благоволила, а может быть даже совсем наоборот, решила испытать стойкость его боевого духа. Во всяком случае, около полудни, среди густых, труднопроходимых зарослей листовенного леса, там, где не существовало даже понятия каких-либо дорог или дорожек, тропинок, он нашёл то, что искал.

Сомнений в том, что он нашёл дом старого злого колдуна, не было, так как известная ещё по преданиям, ходившим в здешних деревнях, чёрная черепичная крыша с чёрным драконом, раскрывшим свою ярко-красную пасть над главным входом в дом, вряд ли имела двойников. Глаза дракона, того же ярко-красного цвета, с чёрными точками зрачков, не поблёкшие за долгие годы, не просто смотрели на всех приближавшихся к дому, а казалось, просто не сводили с гостей своего взгляда, навевая тем самым ужас в сердцах людей.

Обойдя по кругу огромный дом, и не подходя к нему близко, Такехико не смог обнаружить следов пребывания кого-либо. Окна и на первом и на втором этажах дома были занавешены тёмной тканью, трава, растущая возле его стен, была густой и высокой, что говорило лишь о том, что жилище давно заброшено. И если трава вокруг дома могла просто устраивать его обитателей, то её густые длинные поросли перед каждой входной дверью, коих в этом доме имелось пять штук, должны были бы мешать проходу, а, следовательно, хоть возле одного входа, и пусть совсем немного бы, а всё ж непременно трава была бы примята, чего Такехико никак не наблюдал. Единственно, что сильно смущало Такехико, так это новизна красок, которыми был окрашен дом. Создавалось такое впечатление, что их совсем недавно нанесли.

Преодолев внезапно возникшее волнение, опустив голову, чтобы не видеть кровавых глаз чёрного дракона, Такехико осторожно вошёл в дом через главный вход, остановился, и, не закрывая дверь, прислушался. В доме, среди царства тишины и полумрака, властво-

вала атмосфера спёртого, пронизанного запахом старых вещей, воздуха. Когда глаза привыкли к тёмной обстановке, Такехико оглядевшись по сторонам, оставив дверь открытой, сделал ещё несколько шагов вглубь дома, где снова остановился. На этот раз тяжесть старого воздуха оказалась сильнее прежнего, но Такехико уже почти не придавал значения неприятным ощущениям, поскольку пребывал отныне во власти своего любопытства. Полумрак, царивший не только здесь, но и во всём доме, не смог скрыть от пытливого человеческого взгляда тех немногочисленных вещей, что находились или правильнее сказать остались в этой комнате из прежней обстановки, с того давно минувшего времени, когда в этом доме жил его хозяин, колдун Идзивару. Представшая картина остатков бытия, состояла из старого потёртого и чуть потрескавшегося от времени, стола на маленьких ножках, и нескольких лежащих на полу пыльных, выцветших циновок, кроме которых в комнате больше ничего не было. Продолжая изучать убранство комнаты, в надежде обнаружить причину исчезновения бывшего владельца дома или какие-нибудь особенные вещи, ему когда-то принадлежавшие, Такехико увидел нечто большое, в деревянной раме, висящее на стене в нескольких шагах от лестницы, идущей на второй этаж. Это нечто, было наполовину покрыто серой свисающей складками, тканью, а то, что снизу выступало наружу, скрывалось от взора Такехико, большим слоем пыли, дополненной сплетением старой паутины в которой давно уже не было её хозяйина.

Посчитав, что сей предмет, схожий с картиной, будет для него малоинтересным, Такехико прошёл мимо деревянной рамы, чтобы осмотреть остальные комнаты первого этажа. Только спустя несколько минут после их беглого изучения, Такехико убедился в том, что нигде ничего интересного нет.

Вернувшись обратно в комнату, с которой началось его знакомство с внутренним убранством сего дома, он поднялся по старой скрипучей лестнице на второй этаж, где его, как и в комнатах первого этажа, вместо ответов на волновавшие вопросы, ждало одно лишь разочарование.

Всё увиденное им, лишний раз говорило немym языком старых забытых вещей, что хозяин или что тоже вполне возможно, хозяева этого таинственного дома, так как никто не знал с кем здесь жил колдун Идзивару, оставили своё жилище давно, даже не побеспокоившись забрать с собой те скромные пожитки, кои теперь, только и наполняли этот пустой, старый, заброшенный дом. Мысли о том, что злой колдун оставил этот мир, казались нашему герою неправдоподобными, поскольку тогда бы, как он считал, остались хоть какие-нибудь подтверждения произошедшего, а так всё было похоже на то, что он просто сбежал. И сбежал тайно, ибо никто не знал, когда и как это случилось. Что же касается того, куда мог скрыться старый злой колдун, то здесь за неимением точного ответа, также можно было лишь гадать.

К примеру, в другую страну.

Такехико, правда, немного удивился, почему так мало вещей находилось сейчас в таком большом доме, но тут же, сам себе дал ответ на возникший вопрос, что самое ценное, колдун Идзивару, всё же взял с собой. К тому же, совершенно может статься, что всё было совсем иначе, а именно, что здесь уже появлялись незваные гости, и гости не из числа обитателей окрестных деревень, ибо местные жители, как уже было сказано, остерегались показываться в этой части леса. Только тот, или те, кто не знал, кому принадлежит сей дом, мог позволить себе взять что-либо из вещей бывших хозяев, и возможно даже, вышеозначенный гость или гости, не раз этот дом навещали, и забрали отсюда всё, что могло, так или иначе, вызвать у них хоть какой-то интерес.

Так думал Такехико, бродя по второму этажу брошенного дома, изучая в нём не столько брошенные вещи быта, сколько старался найти следы жизни былых хозяев, чтобы понять причину их исчезновения.

Спустившись вниз, он всё же остановился возле деревянной рамы, и немного подумав, не зная зачем, слегка тронул её рукой в том месте, где она не была покрыта тканью. С дере-

вянной, шершавой поверхности рамы, открыв человеческому взору тёмный узор, являвшийся украшением, слетел небольшой клочок пыли, и плавно упав на деревянный, покрытый такой же пылью пол, тут же рассыпался на несколько мохнатых частей. Такехико тронул раму ещё раз, и, не глядя на спадающую вниз, мягкими хлопьями пыль, разрывая старую паутину, провёл рукой от края к центру, освобождая сейчас то самое, что было в этой раме за слоем серой налипшей пыли.

Глава 2. По возвращении домой

Вечером того же дня, находясь не далеко от дома своих родителей, в их маленьком саду, Такехико сидел под большой сакурой, погрузившись в глубокие и очевидно тяжёлые для него размышления, опустившись прямо на траву.

К нему подошла его сестра Сайюри:

– Ты сегодня, не похож сам на себя. Что с тобой произошло? Если ты расстроен из-за того, что вернулся из леса домой без лекарственных растений, то эта беда поправима.

– Нет, меня это совсем не тревожит, – не поднимая головы, ответил Такехико.

– Ты встретил кого-то сегодня в своём путешествии?

– Нет, – почти уверенно ответил Такехико, и немного помолчав, с грустью в голосе добавил, – думаю, что нет, и всё же меня терзает одна, не понятно, откуда взявшаяся мысль, которая просто не даёт покоя моему сознанию, но самое странное, заключается, сейчас не в ней, а в том, что я совершенно ничего не помню из того, что случилось сегодня со мной.

– Ты был в лесу. Ты отправился в него один, и что с тобой там было, теперь из нас никто не знает.

– То, что я был в лесу, я ещё помню, – сказал Такехико. – Особенно хорошо отложилось у меня в памяти, как я выходил сегодня из леса, а вот что я там делал, где блуждал, ответить не могу.

О том, что он, собиравшись найти в лесу заброшенный дом старого злого колдуна Идзивару, где, скорее всего и побывал, Такехико решил продолжать умалчивать. Тем более что он теперь и сам не помнил ничего связанного с домом старого колдуна и мог лишь догадываться о его посещении.

Немного помолчав, продолжая стоять под сакурой, глядя на задумчивое лицо брата, Сайюри спросила:

– А что за мысль тебя тревожит?

– Я имею желание покинуть дом наших родителей, – поднял голову Такехико. – Я хочу вообще уйти из деревни.

– От твоих слов веет холодной разлукой. Ты хочешь уйти от нас навсегда?

– Если бы я это знал, – горестно вздохнул Такехико, снова опустив свой взгляд в землю.

– Я думаю, родители не только будут не рады твоему решению, но и воспротивятся ему.

– Мне это понятно, потому-то я и не знаю, что мне теперь делать, хотя и чувствую, что все попытки что-то изменить, чтобы остаться, будут бесполезны.

– Я никому ничего не скажу. Ты сам должен принять здравое решение и сообщить о нём нашим родителям.

Такехико встал, и слегка коснувшись руки сестры, обменявшись с ней молчаливым взглядом, неспешно направился к родительскому дому.

Сайюри оставшись стоять под сакурой, лишь проводила брата взглядом, пока он не вошёл в дом. После недолгого пребывания в одиночестве, Сайюри услышала вопль матери, за ним послышались возгласы отца.

«Надо поддержать брата», – подумала Сайюри, и чтобы не выдать своего волнения, спокойным шагом направилась в дом.

– Сайюри, ты знаешь, что надумал твой брат? – всплеснула руками мать, взглянув заплаканными глазами на дочь, когда та, войдя в дом, остановилась возле порога.

Такехико опустившись на колени, молча, сидел на полу перед матерью, склонив свою голову. Отец, нервно теребя себя за бородку, расхаживал по комнате.

– Он решил уйти из родного дома, из деревни, и что больше всего нас пугает, сам не знает куда, – качая головой, сказала мать.

– Ладно бы он, хоть знал или предполагал, зачем и куда отныне собирается идти! – встал отец, взглянув на Сайюри.

– Может для него это важно, необходимо, может он ищет свой путь в жизни, – прятая взгляд, и скрывая набежавшее волнение, произнесла Сайюри, боясь сейчас покраснеть и тем самым выдать собственное смятение.

– Тогда пусть скажет нам куда направляется и чем собирается там заниматься! – воскликнул отец, размахивая руками, и добавил, – я тоже в его годы искал себя. Я так же ушёл из дома, но мои родные знали, куда я иду и главное зачем.

Мать, продолжала, молча, лить слёзы, смахивая их руками со своего лица. Сайюри глядя на мать, не смогла сдержать эмоций, переполнявших её душу, и тоже заплакала, опустившись на пол возле порога, прямо там, где остановилась, когда только вошла в дом. Лишь мужчины скрепя свои сердца, не проронили ни капли слёз. Такехико, продолжал молча сидеть на полу перед плачущей матерью, отец нервно ходил по комнате, время от времени, оглашая её своим суровым мужским голосом, громко произнося слова, часть из которых была обращена не только к собственному сыну, но и к богам.

– Я, – поднял голову Такехико, взглянув на плачущую мать и сестру, печальными глазами, – не хочу скрывать от вас того, что мне и самому в эту минуту, смутно представляется моя будущая жизнь. Я сейчас не могу даже представить себе, что со мной дальше будет, чтобы сказать об этом вам. Точнее, что я собираюсь делать. Единственное, что сейчас мне отчётливо ясно, меня зовёт в моё будущее, таинственный голос, который я даже не слышу. Я только ощущаю его в своём сознании.

Мать и сестра, утирая слёзы, посмотрели на Такехико. Отец, обернувшись к сыну лицом, остановился в центре комнаты.

– И ты хочешь из-за этого уйти? – удивился отец. – Тебе следовало бы, сначала обратиться к мудрецам, выслушать их совет, и только лишь тогда принимать подобное решение. К тому же в любом случае, ты должен чётко осознавать свою цель, иначе не сможешь стать хозяином собственной судьбы. Быть странником без цели, всё равно, что умереть. Плоть без души мертва. Душа, не знающая и не понимающая своего я, пуста и мертва. Подумай над этим, сын!

Такехико взглянул на мать.

– Прислушайся к словам отца, – вытирая слёзы, спокойно, произнесла мать, глядя сыну в глаза.

Такехико не ответив, опустил голову.

Глава 3. Визит к мудрецу

На следующий день, после завтрака, по совету своего отца, Такехико отправился к мудрецу Касикои, который жил в их деревне и к помощи которого прибегали не только здешние жители, а и обитатели близлежащих деревень.

Все, кто желал получить добрый совет или узнать, если не ответ, то хотя бы какие-то разъяснения на вопрос, являвшийся для них самих, трудноразрешимым, мог полагаться на мудрость старика Касикои, который никогда никому не отказывал своей помощью.

Рассчитывал сейчас на получение ответа и наш молодой герой, шагая по деревне к дому старого мудреца.

Касикои принял Такехико в саду своего дома, сидя в маленькой беседке, которая была рядом со старой раскидистой сакурой. Это было излюбленное место отдыха мудреца Касикои, и особенно когда сакура цвела. Сидя в беседке и глядя на сакуру, он предавался глубоким размышлениям, часть которых потом излагалась в рукописи, составляемой мудрецом для потомков.

– С тобой приключилась беда, – дымя трубкой, выговаривая слова ровным бархатным голосом, произнёс мудрец Касикои, после того, как Такехико рассказал ему о том, что он ходил в лес, в ту его часть, где раньше можно было встретить злого колдуна Идзивару, и ничего более из того путешествия, теперь не помнит.

Касикои сделал знак рукой, чтобы Такехико, сидевший перед ним на коленях, оставался на месте и продолжил:

– В том лесу, куда ты вчера ходил, находится старый, давно уже заброшенный дом, некогда принадлежавший злему колдуну Идзивару. Ты я думаю, об этом колдуне, о его личности, кто он такой, уже слышал и даже уверен, что неоднократно, поэтому о нём мы сейчас говорить не будем. Остаётся сделать предположение, которое во мне не вызывает сомнений, что ты как раз побывал в его доме. Что именно с тобой там произошло, сказать трудно, но одно мне точно известно, верный ответ на свой вопрос ты найдёшь только тогда, когда побываешь у колдуньи Акаи.

Касикои медленно выпустил облако дыма, и немного помолчав, изредка поглядывая на Такехико, в моменты, когда отводил свой взгляд от созерцания природы, опять продолжил:

– Не буду от тебя скрывать, что колдунья эта злая и встреча твоя с ней не сулит тебе ничего хорошего, и, кроме того, вообще опасна и не совсем предсказуема. Может она выслушает тебя и в обмен на службу у неё, она тебе поможет, но и вероятность того, что она просто тебя погубит, тоже существует. Как-никак, она родная сестра колдуна Идзивару. Она также как и её братец, не любит людей, однако в отличие от него, всегда пытается извлечь для себя хоть какую-то выгоду от общения с любым человеком, встретившимся на её пути. Поэтому сразу она тебе ничего не сделает, и дальнейшее в твоей судьбе, напрямую будет зависеть только от тебя, чем ты её заинтересуешь. Правда, узнать, сможешь ты или нет вызвать у злой колдуньи хотя бы слабый интерес к себе, представится для тебя, только после знакомства с ней. То есть тогда, когда обратного пути у тебя уже не будет.

Касикои снова, как и прежде, медленно выпустил большое облако дыма, и когда оно под воздействием слабого ветерка развеялось, добавил:

– Вот, пожалуй, и всё, чем я тебе могу быть полезен. Где живёт колдунья Акаи, мне неизвестно, ибо я только слышал о ней, никогда не встречаясь с этой особой. Вероятно, тебе придётся пройти долгий путь, прежде чем ты сможешь найти к ней дорогу. Тебе к сожалению придётся часто искать следы колдовства, и идти по ним, чтобы встретить на своём пути какого-нибудь доброго колдуна или по возможности хотя бы не слишком злого обладателя чёрной магии, для того чтобы узнать у него дорогу во владения колдуньи Акаи, если конечно ему

будет вообще известна данная особа. И хорошо, если тебе попадётся добрый колдун, тогда постарайся вывести у него всё что возможно или хотя бы у кого можно будет спросить про колдунью Акаи. Так же тебе придётся много спрашивать у местных жителей, в тех деревнях и городах, где ты побываешь. Путь твой будет не только опасным, но и, скорее всего, долгим и трудным. И беда твоя сейчас в том, что ты как мне кажется, подвергся какому-то волшебству в доме колдуна Идзивару, снять которое ты, оставаясь в родной деревне, никогда не сможешь, сколько бы времени ни прошло. Так что выбирать тебе сейчас придётся самому, или жить с этим непреодолимым желанием, или пойти и попытаться снять заклятие. Родителям своим передай наш разговор, я думаю, они всё правильно поймут и отпустят тебя, если ты твёрдо и осознанно надумаешь покинуть родной дом.

Касикои замолчал, продолжая дымить трубкой.

– Я терзаюсь всё так же, как и до встречи с вами, уважаемый Касикои, но одно неоспоримо, я буду долго думать, прежде чем приму то единственное решение, которое станет для меня судьбоносным, – произнёс Такехико, поклонившись мудрецу.

Касикои молча, дымя трубкой, в ответ качнул головой, подтверждая правильность выбора Такехико.

Поблагодарив мудреца Касикои и пожелав ему долгих лет жизни, Такехико учтиво простился с ним, после чего незамедлительно вернулся в родительский дом, чтобы сразу же пересказать отцу с матерью, весь разговор с мудрецом.

Глава 4. Начало пути и знакомство с Сузуме

Уже полдня Такехико провёл в пути, а до сих пор в его голове звучали напутственные слова родителей и сестры, смешиваясь, время от времени с воспоминаниями о вчерашнем посещении мудреца Касикои.

Как и следовало ожидать, после того как Такехико передал своим родным разговор с Касикои, постаравшись вспомнить все слова прозвучавшие из уст мудреца, они согласились с тем, что ему следует попытаться снять непонятное волшебство.

Отпуская Такехико в дальний путь, мать напутствовала его словами, суть которых была в том, чтобы он берёг себя и не рисковал собой понапрасну. Говоря сыну прощальные слова, мать пролила много слёз, но удерживать его возле себя не стала. Боязнь что неизвестное колдовство, если Такехико откажется от опасного путешествия, со временем опустошит его душу, сломит его волю и сделает его сердце каменным, была сильнее того чувства, которое пугало её при одной мысли, что встреча со злой колдуньей также может погубить её сына. Утешением здесь оставалась вера в добрых колдунов, чья помощь без сомнения могла бы уберечь Такехико от воздействий старой злой колдуньи Акаи.

Слова отца были иными, в большей степени лаконичными и были сказаны им для Такехико тет-а-тет, когда они оба находились в саду:

– Всегда помни, что ты, прежде всего мужчина. Умело применяй свои боевые навыки, не падай духом перед трудностями, не бойся врага и остерегайся только применяемого к тебе колдовства, против которого меч, увы, бесполезен. С чёрной магией можно справиться лишь используя помощь добрых волшебников. Если встретишь на своём пути колдуна с добрым сердцем, постарайся заручиться его поддержкой. Добрые колдуны любят людей и неизменно стараются им помогать. Также всюду сам помогай встречающимся на твоём пути людям, и не беда, что они тебе незнакомы. Люди помнят доброту и всегда в ответ на это, придут к тебе на выручку, когда их помощь будет необходимой.

Закончив свои наставления, отец крепко обнял сына, после чего, оставив того в одиночестве, молча ушёл в дом.

Сайюри, выйдя в сад, в своих последних напутственных словах была похожа на мать. Больше всего она просила брата, чтобы он непременно вернулся домой.

Так, вспоминая сегодняшнее утро, вооружённый мечом вакидзаси, в своём излюбленном зелёном кимоно, Такехико шёл по лесной дороге в полном одиночестве. Звать кого-либо из своих друзей в столь дальний и опасный путь, он не стал. Накануне этого дня, Такехико простился со всеми своими сверстниками из числа тех, с кем поддерживал дружеские отношения. Буквально несколько минут было достаточно, чтобы, не вдаваясь в подробности, объяснить им главную цель своего пути и что должен он этот путь, пройти один. Все знали характер Такехико, поэтому никто спорить с ним не стал. Только возлюбленный Сайюри, Казуки, узнавший от неё, куда направляется Такехико, решился настаивать на том, чтобы сопровождать его в этом походе.

Тут разговор был более продолжительным, и остановить порыв возлюбленного Сайюри, удалось с большим трудом. И то, лишь после того, как Такехико предложил ему условие, что Казуки отправится к нему на помощь, если он не вернётся ко дню рождения своей сестры.

Всё это было вечером предыдущего дня, а утром следующего, едва солнце выступило в небесную ширь незанятую облаками, Такехико покинул дом своих родителей, которые проводили его в сопровождении дочери, до окраины деревни. Там они простились с Такехико, и он удалился от них в лес, по просёлочной дороге, пролежавшей через широкое цветущее поле, даже ни разу не обернувшись.

Дальнейший его путь, пролегал по хорошо наезженной лесной дороге, которая шла через большой смешанный лес и выходила прямо к деревне, находящейся по другую его сторону. Этот путь, Такехико проделал за несколько часов, останавливаясь только в тех случаях, когда ему на пути попадались люди.

При этих встречах, он, почтительно кланяясь, спрашивал всех об одном и том же: о колдунье Акаи.

Как и следовало ожидать, никто о ней ничего не слышал, и, кроме того, когда люди узнавали, чего хочет от них незнакомец, казавшийся им странным по причине неожиданного интереса к колдунам, испугавшись к тому же, что Такехико ищет именно злую колдунью, спешили как можно скорее уйти от него прочь.

Так и не узнав ничего во время пути через лес, выйдя из него, Такехико ближе к середине дня, пришёл в незнакомую ему деревню.

День был хороший и улицы деревни, были полны людей. Одни спешили в город, другие возвращались из него. Остальные жители деревни были заняты своими повседневными делами.

Не зная у кого бы лучше узнать дорогу, Такехико шёл по деревенским улицам, ища какое-нибудь заведение, где можно было бы отдохнуть и за чашкой чая обдумать свой дальнейший путь. Спрашивать про колдунью Акаи, задавая вопрос первому встречному, как он это делал в лесу, Такехико уже не хотел, ибо видел, что люди боятся говорить на эту тему. Необходимо было найти другой способ, чтобы узнать дорогу к владениям колдуньи Акаи.

– Вы кого-то ищете, господин? – поинтересовался молодой паренёк у Такехико, сделав перед ним учтивый поклон со сложенными ладонями возле своей груди.

– Я впервые в вашей деревне, и хотел бы отдохнуть с дороги за чашкой хорошего чая, – ответил Такехико, разглядывая незнакомца.

– Вы уже почти пришли, господин, – совершая пригласительный жест рукой, произнёс незнакомец, в очередной раз, поклонившись перед Такехико. – За этим домом, против которого вы сейчас стоите, находится прекрасная киссатэн. Лучшего чая, чем подают в этом заведении из всех расположенных в нашей деревне, господин, вы нигде не найдёте.

– В таком случае, назови мне своё имя и проводи меня туда, – сказал Такехико, оглядев худощавую фигурку паренька.

– Меня зовут Сузуме, и я живу в этой деревне, господин. Прошу сюда, – шагая впереди Такехико, показал рукой Сузуме. – А к вам господин, я подошёл сейчас из-за того, что прочитал в вашем взгляде, задумчивость, которая подсказала мне, что вы непременно что-то ищете.

– Ты не ошибся Сузуме, я действительно в поисках, но не знаю, могу ли я тебя об этом спросить.

– Всё что угодно, господин, – поклонился Сузуме, на мгновение остановившись.

Такехико тоже остановился, посмотрел на Сузуме и немного подумав, двинулся дальше в том направлении, куда ему указывал его новый знакомый.

– Давай сначала сделаем заказ, а потом за чашкой чая, спокойно поговорим.

– Как вам будет угодно, господин, – поклонился Сузуме.

Зайдя в чайную, Такехико оглядевшись, выбрал столик в отдалении от тех посетителей, которые уже сидели за столами. Сузуме остановился рядом и сел, не забыв при этом поклониться, только после того, как Такехико сделал ему пригласительный знак.

– Меня зовут Такехико, – сказал Такехико, после того как им принесли чай.

– У вас красивое имя, господин, – сделав поклон головой, произнёс Сузуме.

– Дело у меня необычное и прошу, не пугайся того, о чём я тебя сейчас спрошу.

– Я весь во внимании господин.

Такехико сделав несколько глотков чая, одобрительно кивнул, подтверждая, что чай превосходен.

– Меня интересует колдунья Акаи, слышал ли ты о ней что-нибудь?

– Нет, господин, я слышу это имя впервые, но мне в нашей деревне известен один старый человек, его зовут Макото, который может знать что-либо о колдунах и колдуньях, поскольку он, когда был молод, много путешествовал и возможно ему есть, что вам рассказать.

– Что ж, это очень не плохой ответ, – сохраняя спокойствие, сказал Такехико, внутренне радуясь услышанным словам. – Допьём наш чай, и если тебе не трудно, покажешь мне дом, где живёт старик Макото.

– Как вам будет угодно, господин.

Глава 5. Что сказал старик Макото

После того, как Такехико кратко поведал причину своего интереса к колдунье Акаи, старик Макото на некоторое время, погрузился в раздумье.

И пока он думал, Сузуме и Такехико молча, ждали его ответа.

– Где живёт эта колдунья мне неизвестно, – заговорил Макото, после нескольких минут своих размышлений, – но слышать о ней мне приходилось и не раз. Она прославилась не столько своими злыми чарами, как тем, что в приступе гнева, становится огненно-красной, за что собственно, своё достаточно широко известное имя и обрела. А вот про её брата, злого колдуна Идзивару, мне известно куда больше. В доме его и даже близко с ним, я никогда не бывал, сие весьма опасно, но, тем не менее, последствия его колдовства мне видеть приходилось. То, что злой колдун исчез, мне неудивительно, у него было предостаточно врагов, а уж сгинул он со свету при чьём-то содействии, вероятнее всего волшебном или затаился на время подальше от всех, тут с ответом спешить не стоит. Правильнее сказать, нет пока такого ответа. Знать его может только его сестра, та самая Акаи, которую ты ищешь. Другие колдуны про него лишь слышали, кто-то может, когда-то и видел его, но не более, потому что Идзивару следов после себя кроме колдовских чар, никогда не оставлял. И всё же искать тебе сейчас придётся не колдунью Акаи, её ты будешь искать позже, она, как мне кажется, тебе понадобится, в крайнем случае, и прибегнуть к нему тебе стоит только тогда, когда без этого нельзя будет обойтись. А пока тебе нужны враги колдуна Идзивару и уж тут для тебя задача будет если не легче, то по спокойней, ибо колдуны эти добрые, а уж коли в твоих поисках среди них ненадолго попадётся тебе и злой, то он скорее убежит от тебя прочь, нежели пожелает тебе вреда, зная, какова твоя цель. И бояться в данном случае злых колдунов сильно не стоит, потому что сторонников, а уж тем более друзей у Идзивару нет, не было, и вряд ли когда-нибудь будут. Его единственная опора, его родная сестра. Слуги колдуна тут не в счёт. Главное при встрече со злым волшебником, успеть объяснить свой интерес к колдуну и его сестре.

Макото перевёл дух, отпив немного воды из пиалы:

– Я думаю, ты и сам понимаешь, что любой колдун будет рад погубить Идзивару, если он жив или хотя бы разрушить последствия его чар, коли он исчез навсегда. Ну а в случае со злым колдуном, я потому говорю, опасность мала, что он ни за что не откажется прибегнуть к твоей помощи. Для него это как выгребать жар чужими руками. Риск не велик, а результат на лицо. Так что с одной стороны добрый колдун безопаснее, а с другой, злой колдун здесь может оказаться несколько полезней, ибо он больше знает разных колдовских тонкостей в борьбе против зла, чем любой добрый колдун, что в данном случае для тебя будет куда лучше. Да к тому же, если говорить прямо, зло против зла, всё же сильнее, нежели добро, или, в крайнем случае, если уж вдруг не сильнее, то может противопоставить более изощрённую магию, основанную на большем причинении вреда, что опять же в данном случае лучше добра. Ну а выбор опять за тобой.

Закончив свою речь, Макото дал знак Такехико, что он может спрашивать его дальше.

– Благодарю вас уважаемый Макото за ответ, – поклонившись, сказал Такехико и добавил, – осмелюсь вас спросить ещё только о следующем: подскажите, где я мог бы встретить какого-нибудь колдуна.

Макото согласно кивнул и ответил:

– Не так далеко от нашей деревни, в Цветущем лесу, возле небольшого ручья, между зарослями дикого шиповника и бамбуковой рощей, там, где много лавра и орешника, живёт добрый колдун Кабоку. Сила в его волшебстве не велика, но дорогу далее, он я думаю, тебе показать сможет. А для того чтобы найти сего колдуна, попроси или Сузуме или ещё кого-нибудь из нашей деревни. У нас тут его почти все знают.

– И как я мог про него забыть, – обхватив голову руками, простонал Сузуме, отворачиваясь одновременно и от старика Макото, и от Такехико.

Макото лишь усмехнулся, глядя на Сузуме, после чего добавил:

– Это, пожалуй, всё, чем я могу быть тебе полезен.

– Я благодарю вас уважаемый Макото за всё, что вы мне сказали, и непременно воспользуюсь вашими советами, – кланяясь перед стариком, сказал Такехико.

– Удачи тебе, – кивнув головой, изрёк на прощанье старик Макото.

Глава 6. Такехико и Сузуме

– Господин, – обратился Сузуме к Такехико, когда он и его новый знакомый, покинув дом мудреца Макото, очутились на улице, – дорогу к дому, где живёт добрый колдун Кабоку, я готов показать вам, как только вы изъявите желание.

– Из твоих слов, я понимаю, что ты сейчас, и в ближайшее время не обременён серьёзными делами, – произнёс Такехико, глядя на Сузуме.

– Я полностью в вашем распоряжении, господин.

– У тебя нет родных?

– Вы угадали, господин. Я давно живу один.

– Не буду спрашивать у тебя, почему ты живёшь один, но обязан узнать твоё согласие оставить свой дом, чтобы следовать за мной и дальше, чем дом колдуна Кабоку, – сказал Такехико, неожиданно для самого себя, придя к решению, что коль уж судьбе так угодно было послать ему этого Сузуме, то почему бы теперь весь последующий путь не продолжить вдвоём.

– Я всё понял, господин. Вы предлагаете мне идти с вами и помогать вам во всём.

– Совершенно верно.

– Вы можете отныне положиться на меня, господин. Мне давно хотелось изменить свою жизнь, и теперь как я вижу, для этого имеется вполне подходящая возможность. Мой дом не слишком меня держит. Я уже неоднократно подумывал о том, чтобы оставить его и вообще оставить свою деревню, пуститься в какое-нибудь путешествие; посмотреть, как люди живут в других деревнях, чем занимаются. И потом во время странствий, всегда появляется возможность узнать для себя что-нибудь новое.

– В таком случае, сегодня нам необходимо отдохнуть, а утром с новыми силами мы отправимся к доброму колдуну Кабоку.

– Мой дом в вашем распоряжении, господин, – обрадованно сказал Сузуме, поклонившись Такехико, после чего указал рукой, куда им следует идти.

И пока они шли по улицам деревни к дому Сузуме, Такехико сгорая от нетерпения, спросил у своего нового знакомого, что он знает о колдуне Кабоку лично, и что он слышал про этого доброго колдуна от своих знакомых и пусть даже совсем незнакомых людей.

– Колдун Кабоку живёт один, – шагая по левую руку от Такехико, сказал Сузуме, начиная свой рассказ, – детей у него нет. Как давно он живёт в Цветущем лесу, я не знаю, но слышал, что ему уже лет двести. Во всяком случае, так говорят в нашей деревне, что оспаривать никто ни разу не брался.

Время от времени, когда требовалось показать направление пути, если улицу, по которой они шли, пересекала другая улица, Сузуме прерывая свой рассказ, говорил Такехико, учтиво перед ним кланяясь, куда следует идти, дополняя свои слова лёгкими жестами руки.

После этого, он сразу же возвращался к своему рассказу.

Так что к моменту, когда Сузуме привёл своего нового знакомого в свой дом, Такехико знал про доброго колдуна Кабоку ровно столько, сколько про него знал Сузуме.

Что же касается вас уважаемый читатель, то вы узнаете о колдуне Кабоку чуть позднее, в ходе моего повествования, когда я стану рассказывать про этого доброго колдуна, коснувшись всего, и внешности, и характера, и его постоянных привычек.

Поэтому, говорить о колдуне Кабоку мы пока больше не будем, последовав за Такехико в дом Сузуме.

– Как видите господин, нас никто не встречает, – развёл руками Сузуме, входя вместе с Такехико в собственный дом.

– А у меня, наоборот, в деревне, где я жил до начала путешествия, в котором сейчас нахожусь, осталась моя семья, – грустно произнёс Такехико, осматривая скромное жилище своего нового знакомого.

– И вы собираетесь вернуться в свою семью, господин? – спросил Сузуме.

– Я хочу в неё вернуться, а вот удастся мне это сделать или нет, пока и понятия не имею, – всё также грустно ответил Такехико. – Давай Сузуме отдыхать. Нам завтра предстоит длинная дорога.

– Как скажете, господин, – поклонился Сузуме, и, оставив Такехико одного, сам перешёл в другую комнату.

Так под конец первого дня своего путешествия, Такехико, волею случая, оказался в доме Сузуме, где он не только прекрасно выспался, но и успел обдумать некоторые моменты предстоящего визита к колдуну Кабоку. Хоть колдун и был добрым, Такехико всё же решил поостеречься идти в его дом напрямую, поскольку при визите к нему, можно было повстречаться с кем угодно, в том числе и с каким-нибудь злым колдуном, заглянувшим сюда по причине своей ненависти к доброте.

«Следует для начала, остановиться где-нибудь поблизости от дома колдуна Кабоку, а уж прояснив наличие посторонних людей или колдунов, подобрать удачное время для посещения Кабоку», – думал Такехико перед сном, уже закрывая глаза от усталости. Ему, никогда в своей жизни ещё не видевшему ни одного колдуна, эта первая встреча казалась судьбоносной.

Сузуме в противоположность Такехико, ни прошедшим вечером, ни уже засыпая, особо ни о чём не думал. Он предпочитал принимать решения спонтанно, в пример тому решению, благодаря которому теперь в его доме был гость, и он, Сузуме, на утро с этим гостем, должен был покинуть родной дом, родную деревню, и скорее всего навсегда, во всяком случае, о возвращении назад он пока даже и не задумывался. А что касалось завтрашнего дня, то предстоящий визит к колдуну Кабоку, волновал Сузуме куда меньше, нежели Такехико, и всё по причине того, что Сузуме видеть сего колдуна, приходилось уже неоднократно.

В остальном, говоря сейчас о времени суток ночном, скажу для вас уважаемый читатель, что ночь, и для Такехико, и для Сузуме, прошла спокойно, и так же спокойно уступила время, наступающему дню, начало которого предстало ярким солнцем на безоблачном небе и лёгким ветерком игравшем в верхушках деревьев, изредка спускавшимся вниз, чтобы качнуть мягкий ковёр распускающихся цветов.

Первым в доме Сузуме, проснулся Такехико.

Стараясь не шуметь, он спокойно покинул дом, чтобы на свежем воздухе прогнать остатки сна, воспользовавшись для этого гимнастикой. И только он её закончил, на пороге дома возник Сузуме.

– Доброе утро, господин, – не сходя с порога, произнёс Сузуме.

– И тебе утро доброе Сузуме, – ответил Такехико, и, обернувшись, дружелюбно добавил, – не мешало бы подкрепиться перед дальней дорогой, тем более что мы идём в гости непрошенными и не названный обед.

– Завтрак уже готов господин, – поклонившись, ответил Сузуме.

Такехико одобрительно кивнул, и направился в дом.

После небольшого завтрака, и хозяин, и гость, стали собираться в дорогу. А поскольку Такехико был и так уже в походном виде, то все его сборы ограничились тем, что он взял дорожную суму, и привесил на пояс меч вакидзаси. Дождаться Сузуме, он решил на улице, где ему одному долго пребывать не пришлось, поскольку Сузуме приготовился для дальнего пути ещё с вечера. Прощаться с родной деревней, с её жителями, Сузуме не стал, посчитав, что достаточно будет и того, что он перед уходом, поклонился своему дому, где жил до сего дня, и, теперь покидая его, был полон самых радужных надежд, связанных только с будущим, полного представления о котором пока даже и не имел.

И заканчивая эту главу, подмечу, что Сузуме не зная своего будущего, также не задумывался о том, что и для Такехико, будущее было таким же неизвестным, и оба они шли к нему сейчас, приближая его с каждым шагом.

Глава 7. Попытка встретиться с колдуном Кабоку

– От чего господин не хочет идти к колдуну Кабоку сразу, а предлагает на время затаиться? – спросил Сузуме, глядя на Такехико, когда они уже шли по Цветущему лесу.

– Потому что мы можем оказаться далеко не единственными гостями этого колдуна, – ответил Такехико и добавил, – к тому же я вовсе не думаю прятаться вблизи его дома, целую вечность. Достаточно будет немного обождать в стороне, понаблюдать за домом, чтобы должным образом убедившись в отсутствии посторонних лиц, главным образом злых колдунов, идти к доброму колдуну Кабоку, никого не опасаясь.

– Господин хочет, чтобы наш визит к колдуну Кабоку остался в секрете? – снова спросил Сузуме, глядя на Такехико.

– Совершенно верно. Ты должен понимать и помнить, что вопрос, который нас интересует, не является обыденным среди людей.

– Признаться, я об этом даже и не подумал, господин, – произнёс Сузуме, опустив взгляд в землю.

– А почему здешний лес называется Цветущим? – поинтересовался Такехико, удивляясь этому названию.

– Потому что в этом лесу встречаются большие цветочные поляны, за которыми из года в год ухаживает добрый колдун Кабоку, превращая тем самым эти поляны в царство цветов, – ответил Сузуме. – У нас в деревне, все знают, что колдун Кабоку является покровителем растительного мира в наших краях.

Увидев зелёную крышу дома колдуна Кабоку, Такехико спросил Сузуме, продолжая идти к ней:

– Не дом ли колдуна Кабоку, я вижу сейчас?

– Он самый, господин, – радостно воскликнул Сузуме, разглядев среди деревьев, виднеющуюся крышу дома.

– В таком случае займём место за кустами орешника, что растут слева, перед домом колдуна Кабоку. Оттуда нам будет всё хорошо видно, а нас заметить вряд ли кому удастся, – сказал Такехико, указывая рукой в сторону на раскинувшиеся густые заросли орешника.

И только Такехико и Сузуме успели спрятаться в орешнике, как дверь дома колдуна Кабоку отворилась и наружу вышла молодая девушка, мгновенно и безоговорочно поразившая обоих мужчин, своей удивительной, умопомрачительной красотой. Каждое движение юной прелестницы, было наполнено неповторимой воздушной грацией, взгляд больших тёмных глаз, был бездонным и поглощающим, нежные алые губы дарили невинную улыбку молодости, а развевавшиеся на ходу, выющиеся очаровательные каштановые волосы, вызывали единственное и труднопреодолимое желание прикоснуться к ним лёгким движением руки, чтобы ощутив их мягкость кончиками пальцев, тут же окунуться в них лицом.

И пока спрятавшиеся в кустах орешника молодые мужчины наблюдали за проходившей мимо них девушкой, та преспокойно миновав их, вошла в лес, где сразу и пропала из виду, скрывшись за лесной растительностью.

Придя в себя от того что он увидел, Такехико выходя из укрытия, прошептал:

– Какая удивительная девушка.

Сузуме, последовав за Такехико, только улыбнулся, сочтя не нужным, что-либо говорить.

Такехико хотел обернуться к Сузуме, но не успел этого сделать, потому что его взгляд приковал седобородый старец, только что вышедший из дома колдуна Кабоку и остановившийся на его пороге.

– Это колдун Кабоку, господин, – находясь за спиной Такехико и прячась за ней, тихо произнёс Сузуме, заняв такое положение, чтобы старец не увидел его.

Такехико поклонился Кабоку, когда тот повернул свой взгляд в его сторону, после чего сделав несколько шагов вперёд, остановился на почтительном расстоянии от колдуна. Сузуме, лишившийся прикрытия, так же сделав поклон, последовал за Такехико, и встал позади него, но, уже не скрываясь от взора колдуна.

– Что привело вас к моему дому? – спросил колдун Кабоку, разглядывая незнакомцев.

Мы ищем колдунью Акаи, уважаемый господин Кабоку, – ещё раз поклонившись, ответил Такехико, посчитав, что лучшим ответом колдуну, будет прямой ответ, нежели пространственный рассказ их предстоящего путешествия, с пояснением конечной цели, про которую он и сам в точности, пока мало что знает.

Кабоку немного помолчал, потом повернувшись к незнакомцам спиной, ушёл обратно в дом, так и не удостоив их своим ответом.

Такехико и Сузуме замерли в недоумении.

– Я теряюсь в догадках, господин, – первым промолвил Сузуме, глядя на дом колдуна Кабоку.

– Меня поведение колдуна Кабоку, задело не меньше, – сказал Такехико, так же, не отводя взгляда от деревянного дома с зелёной крышей.

– Как мы поступим дальше, господин? – спросил Сузуме, продолжая смотреть на дом колдуна.

– Думаю, следует обождать, – ответил Такехико и добавил, – мне кажется наша аудиенция к доброму колдуну Кабоку ещё впереди, и потом, уйти мы всегда успеем.

И только он это сказал, как всё вокруг него и Сузуме потемнело.

Не сговариваясь, Такехико и Сузуме, посмотрели вверх.

Вместо неба над своими головами, люди увидели только сплошные ветви деревьев с густой листвой. Оглядевшись вокруг, неудавшиеся визитёры колдуна Кабоку, обнаружили, что находятся в растительном кольце, целиком состоящем из толстых дубовых стволов. Единственное место, где ещё не выросли деревья, оставив узкий проход в живом растительном кольце, осталось перед домом доброго колдуна. Да и то вместо самого дома, теперь между деревьями виднелась всего лишь одна его дверь, в которую всего минуту назад и ушёл колдун Кабоку. Земля под ногами людей, вздулась от ползущих во все стороны, огромных корневищ. Повсюду у подножий деревьев, прежде мягкая трава, уступила место жёстким сорнякам, которые к тому же ещё, ошетинились быстро разрастающимися острыми шипами.

В наступившей полутьме, воцарилась тишина, изредка прерывавшаяся только шорохом листвы, когда появившиеся новые ветви, вырастая в длину, пронзали собою плотную массу зелёных листьев. С каждым мгновением, кольцо растений вокруг людей становилось плотнее, темнота сгущалась, окутывая собой всё пространство, скрывая собой тянущиеся к Такехико и Сузуме, ветви могучих дубов.

Сузуме посмотрел туда, где раньше был дом колдуна Кабоку и воскликнул:

– Господин, дом колдуна исчез!

Такехико взглянув на то место, где раньше стоял дом колдуна и, увидев вместо него всё те же дубы, обнажил меч вакидзаси, пытаясь разглядеть сквозь медленно наступавшую темноту, возможную опасность.

Появление врага, не пугало Такехико, его больше тревожило в данный момент обстоятельство того, что он, будучи вооружённым и не плохо подготовленным к владению мечом, не имеет возможности видеть в темноте и когда она воцарится полностью, его и Сузуме, может постигнуть нечто неизвестное, которому человек не сможет противостоять, учитывая, что они сейчас находятся во владениях колдуна, под его же властью. И поэтому, хорошо осознав, что теперь ничего иного не оставалось, как только надеяться на слух, Такехико разглядев в полумраке силуэт Сузуме, приблизился к нему и шёпотом произнёс:

– Или молчи, или говори очень тихо!

Поймав на себе взгляд Такехико, Сузуме молча, кивнул головой.

Начались минуты томительного ожидания своей дальнейшей судьбы, которая теперь была во власти колдовства. Неожиданно для самого себя, Сузуме пришёл к выводу, что свершившееся сейчас вокруг него и Такехико колдовство, не принадлежало доброму колдуну Кабоку. И как в доказательство такой догадки, Сузуме вспомнил ответ Такехико на свой вопрос, когда они ещё только приближались к дому доброго колдуна Кабоку:

«Потому что мы можем оказаться далеко не единственными гостями этого колдуна...»

Острыми иглами прошло через сознание Сузуме, понимание всей своей беспомощности, и всё же молодой человек был настроен на сопротивление, постоянно вглядываясь в темноту. С каждой наступающей секундой он ждал момента, когда должно было возникнуть то, что следовало за этим первым действием волшебного спектакля. А что оно должно было быть, Сузуме не сомневался. Он только не понимал причины такого странного колдовства по отношению к ним, поскольку Кабоку всегда слыл в их деревне, исключительно добрым колдуном.

Такехико же в отличие от Сузуме, предавался сейчас совсем иным размышлениям.

О колдуне Кабоку он знал совсем немного, да и то, всё что ему стало известно об этом колдуне накануне вечером, было рассказано его спутником Сузуме, и поэтому все мысли Такехико, сводились теперь к тому, что здесь без злых сил не обошлось. А кто именно сейчас сотворил сие колдовство, было вопросом вторым, и ответ на него мог бы озадачить куда более чем то, что в эти минуты вообще вокруг людей творилось, ибо как казалось Такехико, колдун Кабоку был в этот момент не на стороне привычного для него добра.

Во всяком случае, как и Сузуме, Такехико был сейчас готов к сопротивлению и, будучи вооружённым, хорошо подготовленным воином, ожидал теперь, что будет дальше, против кого ему воевать или с чем придётся столкнуться.

Внезапно ход его мыслей нарушился вспышками яркого света, которые одновременно возникнув в большом количестве, стали исходить со всех сторон, ослепляя глаза.

Это на деревьях начали распускаться неведомые, гигантские, светящиеся ярко-жёлтые и ярко-красные цветы, со всевозможными формами бутонов.

Их появлению, Такехико и Сузуме больше удивились, нежели испугались, даже не подумав о возможной опасности, которая могла бы им грозить от этих огненных цветов. Не сходя с места, люди, вертя головами, смотрели по сторонам, разглядывая новое проявление волшебства, благодаря которому теперь вокруг них всё было видно.

Положение людей с каждой секундой становилось более опасным, потому что ветви деревьев, раскачиваясь в нескольких метрах над головами Такехико и Сузуме, продолжали удлиняться. Часть ветвей, переплетаясь между собой, клонилась к земле, где уже из корневищ прорастали всё новые и новые побеги, устремлявшиеся вверх, раздаваясь в толщину прямо на глазах.

Казалось участь Такехико и Сузуме, была предрешена, но вдруг всё вокруг людей замерло, и даже шелест листвы уступил черёд царству безупречной тишины, которое окутав собой всё пространство древесного кольца, готово было нарушиться простым звуком человеческого сердцебиения, будь оно хоть немного более громким, под стать тому, что было сейчас учащённым.

После непродолжительной тишины, внезапно, громко скрипнув своими могучими, морщинистыми стволами, два самых больших дуба, что росли прямо пред людьми, раздвинулись, образовав между собой узкий проход, из которого, вышла женщина в белом кимоно. Её стальной, холодный взгляд раскосых глаз на белом лице, казалось, готов был сразить любого, кто только попадёт в его поле видения.

Такехико и Сузуме застыли, глядя на женщину, и хотя она не смотрела на них, они были не в силах пошевелиться.

А между тем, женщина, войдя в образованное деревьями кольцо, стала обходить людей по кругу, всё, также не глядя на них, будто их здесь вообще не существовало. Таким образом, пройдя весь круг, она, вернувшись к проходу, остановилась спиной к людям и замерла.

Сузуме сразу же попробовал пошевелиться и ему это удалось. Опасаясь взгляда женщины, если она вдруг обернётся, он склонился перед ней в учтивом поклоне, замерев с опущенной головой.

Такехико обратив внимание на Сузуме, тоже почувствовал, что может владеть собой. Совершив поклон и прижав свой меч к правой ноге, он обратился к женщине:

– Простите нас госпожа, за столь внезапное появление возле вашего дома, но нам необходимо поговорить с уважаемым господином Кабоку...

Женщина обернулась к людям, и, глядя в пространство над их головами, беззвучно шевеля губами, произнесла слова, которые возникли, казалось откуда-то сверху:

– И что же вам угодно у него узнать?

– Мы хотели всего лишь спросить уважаемого господина Кабоку о том, как нам найти колдунью Акаи, госпожа, – ответил Такехико, глядя на женщину.

– Зачем она вам? – последовал молниеносный вопрос, прозвучавший так же откуда-то сверху.

– Чтобы снять колдовские чары, овладевшие мною в тот момент, когда я побывал в доме её брата, колдуна Идзивару, – ответил Такехико, опуская свой взор, чтобы не видеть каменное лицо женщины.

Ничего не ответив, женщина вышла из круга, прошла в узкий проход между деревьями, и не спеша удалилась, исчезнув во мраке длинного тоннеля, тянувшегося в неизвестность, откуда поначалу доносились звуки её шагов, постепенно затихая, пока не смолкли совсем.

Через некоторое время, после вновь воцарившейся тишины, прозвучавший откуда-то сверху прежний женский голос, приказал людям идти через проход между деревьями.

Такехико не раздумывая и не глядя на Сузуме, вставив, меч вакидзаси обратно в ножны, направился в темноту прохода. Сузуме немного помедлив, глядя в спину Такехико, направился за ним следом.

В тоннеле царила глубокая тишина, нарушаемая лишь шорохом камней под ногами идущих людей, и чем дальше они шли, тем становилось темнее вокруг них. Когда темнота окружила Такехико и Сузуме со всех сторон, поглотив слабый свет за их спинами, шедший из того древесного круга, люди остановились, погрузившись дополнительно к темноте, во власть глубокой тишины.

– Следуйте дальше, – послышался прежний женский голос, из глубины тоннеля, прокатившись мимо людей негромким эхом и небольшой воздушной волной, обдавшей их лица и тела, влажной прохладой.

Такехико вытянув руку перед собой, медленно шаг за шагом, начал движение вперёд, снова наполняя тишину тоннеля, шорохом мелких камней под своими ногами.

Именно на этот вот негромкий звук, не видя Такехико, Сузуме и пошёл за ним следом, вытянув обе руки перед собой, стараясь ступать как можно тише, чтобы всё время отчётливо слышать, исходящее впереди себя, шуршание камней.

И при каждом своём шаге, Сузуме пытался нащупать руками стены тоннеля. Но сколько бы он не делал для этого попыток, имея желание, наткнутся хотя бы на что-нибудь, всё было напрасно. Единственным указателем его пути, по-прежнему оставались шаги Такехико, которому приходилось идти вообще наугад, ощупывая дорогу перед собой ногами.

Сколько они так шли, ни Такехико, ни Сузуме уже не догадывались, ибо время в этой непроглядной темноте бесконечного тоннеля, соединённой с тишиной, нарушаемой только шорохом камней под ногами людей, преимущественно Такехико, уподобилось вечности.

Почему я сказал, что именно шаги Такехико по большей части нарушали тишину бесконечного тоннеля, потому что он при каждом своём новом шаге, ощупывал перед собой дорогу ногами, в то время как Сузуме старался идти как можно более бесшумно, чтобы излишним шорохом камней из-под своих ног, не потерять в этой темноте Такехико.

Что касалось возможности разговаривать друг с другом, то ни Такехико, ни Сузуме в силу сложившихся обстоятельств на это не решались и просто хранили полное молчание.

Но вдруг, рука Такехико, наткнулась на преграду, о чём он сразу же негромким возгласом оповестил Сузуме:

– Стена!

Сузуме остановился в ожидании, что дальше сделает или, обратившись к нему, скажет Такехико.

Долго ждать не пришлось.

Ощупав обеими руками холодный камень возникшей преграды, Такехико окончательно убедился, что перед ним стоит стена, продолжение которой ему удалось коснуться и справа от себя, поняв тем самым, что перед ним находится угол тоннеля. Немного подумав, Такехико повернулся к ней правым боком, намерившись идти вдоль неё, но не успел он сделать и пары шагов, как стена пришла в движение, отъезжая в сторону, что явило собой в тёмный тоннель, потоки яркого солнечного дня, мгновенно ослепившего людей настолько, что они вышли вперёд на свет, с закрытыми глазами, где сразу же остановились.

Как только глаза после темноты тоннеля, вновь привыкли к дневному свету, люди смогли разглядеть представший перед ними пейзаж знойной, бескрайней пустыни, где кроме песка ничего не было.

Сузуме попятился задом, чтобы скрыться в прохладном, тёмном тоннеле, но вместо этого, наткнулся спиной на тёплый камень. В удивлении, он отпрянул от него, и сразу же обернувшись, вскрикнул, глядя на огромный серый валун:

– Господин, посмотрите!

Такехико обернулся, и удивился не меньше Сузуме.

– Похоже, мы чем-то прогневали колдуна Кабоку, – произнёс он, глядя на валун.

– Этого не может быть, господин. Он добрый. У нас в деревне никто и никогда не был свидетелем даже малейшей его сердитости.

– И, тем не менее, то, что мы сейчас даже неизвестно где оказались, служит неопровержимым доказательством того, что уважаемый колдун Кабоку отчего-то рассердился на нас.

– А может это был не он?

– Ты хочешь сказать, что некий злой колдун принял облик доброго колдуна Кабоку, и находимся мы, здесь сейчас, только благодаря его величайшей милости.

Сузуме развёл руками:

– Этого я не знаю господин, но продолжаю утверждать, что колдун Кабоку, добрый колдун.

– Если это так, то он ко всему в придачу ещё и шутник, из числа каких не часто встретишь. А то, что шутка его на деле не так забавна, говорит сейчас всего лишь о том, что он или не умеет добродушно шутить или же у него сегодня просто сложилось плохое настроение.

– Простите господин, мне трудно понять происходящее с нами.

– Мне тоже, поэтому лучше будет, если мы найдём выход из этой ситуации раньше, чем на нас, как это не прискорбно звучит, скажется отсутствие воды, поскольку мы теперь находимся в знойной пустыне и на милость колдовскую, я лично, уже не рассчитываю.

– О какой милости вы говорите, господин? – спросил Сузуме, с надеждой глядя на Такехико.

Направляясь вокруг валуна, Такехико ответил:

– Вернуть нас хотя бы на прежнее место в зелёный лес.

Сузуме согласно кивнув головой, последовал за Такехико.

– Я, кажется, готов сделать что угодно, лишь бы получить возможность вернуться обратно в лес...

Договорить Сузуме не успел, поскольку представшая перед ним и Такехико, деревянная дверь, озадачила их обоих своим, более чем странным и неожиданным расположением.

– Вашему колдуну не откажешь в оригинальности, – глядя на дверь, произнёс Такехико.

– Пусть я и повторяюсь в своих словах, господин, но мне всё же до сих пор не верится, что это колдовство принадлежит Кабоку, – вымолвил Сузуме, не сводя взгляда с деревянной двери.

– Думаю, мы рано или поздно, узнаем правду, – задумчиво произнёс Такехико, не глядя на Сузуме, и добавил, подходя к двери, – одного я только не знаю, какой ценой она нам достанется.

– Вот именно поэтому, господин, может, нам не стоит к ней стремиться? – спросил Сузуме, не приближаясь к Такехико.

Такехико обернулся:

– Возможно, ты и прав, но раз вокруг нас только пустыня без края и конца, а перед нами есть новая дверь, за которой есть новый путь, мы должны попытаться войти в неё. И меня совсем не смущает то обстоятельство, что дверь эта ведёт вглубь серого, круглого камня, одиноко стоящего среди бескрайних песков.

– Вы правы, господин, – сказал Сузуме, подходя к Такехико.

– Тогда идём! – сказал Такехико, коснувшись двери, которая открылась перед ним сама.

Не удивившись сему колдовству, Такехико не задумываясь, шагнул вперёд за дверь, где была беспроглядная темнота, и попал прямо в обычный зелёный лес.

– Я, конечно, хотел сюда вернуться, но что это произойдёт именно таким образом, право же не ожидал, – воскликнул Сузуме, моментально последовавший за Такехико и стоявший теперь за его спиной.

Громкий звук закрывшейся двери, заставил людей обернуться. Перед ними снова была знакомая дверь, дома колдуна Кабоку.

– Похоже, наш и без того неудавшийся визит к уважаемому колдуну Кабоку, закончен, – произнёс Такехико, поворачиваясь спиной к двери.

– Может нам следует прийти к нему чуть попозже? – спросил Сузуме.

– Я не совсем в этом уверен, но раз нас оставили в живых, то мы вполне смеем на это надеяться, – ответил Такехико. – Только приходить сюда я думаю, следует не раньше завтрашнего дня.

Глава 8. О колдуне Кабоку и маленькой птичке по имени Котори

Утром, следующего дня, впрочем, также как и в любой другой, погожий день, от всей души радуясь началу нового дня, солнечному теплу и свету, лесные птицы, перепрыгивая с ветки на ветку, перелетая с дерева на дерево, наполняли Цветущий лес разнообразными трелями, щебетаньем, чириканьем и свистом.

Среди этого многоголосья, пробивались, то тут, сейчас, в бамбуковых зарослях, то там, несколько позднее, среди баньяна, лавра, звонкие голоса стайки амадин.

Они проснулись с самыми первыми лучами солнца, и как обычно, собравшись вместе, пустились в путешествие по той части леса, где проживали.

Из всей этой шумной, неугомонной компании амадин, самой звонкой, весёлой, а также самой известной для всех остальных лесных обитателей, будь это птицы или звери, была маленькая птичка Котори. Именно за свои маленькие размеры, меньшие, чем у остальных членов её стаи, свой весёлый характер, а также за звонкий голос, выделявшийся среди всех остальных амадин этого леса, ей и дали имя Котори.

Не было ни одного дня в Цветущем лесу, из числа тех, когда в нём случались всевозможные птичьи перепалки и раздоры, чтобы Котори обделила спорщиков, своим вниманием. Она каждый раз, как заправский третейский судья, принималась за дело, единственной целью которого было, полным миром завершить разгоревшийся конфликт, недавних соседей.

Так было и накануне, словно без этого нельзя было обойтись, будто любого рода скандалы были частью утилитарной традиции здешних обитателей. Начавшийся же новый день, пока ещё был кристально чист, прекрасен в своём мягком наступлении, и насыщенно полон пьянящей прохлады, оставшейся для всех обитателей леса, в подарок от ушедшей ночи. А поскольку утро ещё только-только заявило о себе, занятие у проснувшихся лесных птиц и было под стать обстоятельствам, что естественно выглядело далёким от каких-либо неурядиц. Вот поэтому, амадины и не являли собой исключение, гармонично дополняя своими голосами, общую какофонию раздающихся отовсюду птичьих голосов.

И всё же Котори была сейчас занята не только тем, что веселилась в окружении родной стаи. Её голосок для всех лесных птиц был неким условным сигналом, призывавшим сообщать любые новости наступившего утра.

Среди всех утренних новостей нового дня, была и необычная, которую Котори, оставив на время свою стаю, поспешила сообщить белке, неожиданно появившейся на пути амадин.

– Люди во владениях колдуна Кабоку, – прозвенела Котори, присев на ветку дуба, рядом с белкой.

– Когда они там появились?

– Вчера, – ответила Котори.

– Кабоку знает, что делать, – ответила белка, вертя хвостом.

– Он подвергал их испытанию.

– Видно у него были на то свои причины.

– Они прошли назначенное им испытание, но в доме колдуна Кабоку так пока ещё и не были.

– Значит их встреча с ним ещё впереди.

– Я попросила лесных птиц оповещать меня обо всех передвижениях этих людей.

Белка взглянула на амадину:

– Ты правильно поступила. Пока эти люди в нашем лесу, мы должны знать о них всё. Сколько их?

– Двое мужчин, и оба молодые.

– Сообщай мне обо всех их передвижениях, – сказала белка, расставаясь с амадиной, которая, проводив её взглядом, пока та не скрылась за деревьями, отправилась в лесную чащу на звуки улетевшей стаи, направлявшейся как раз в ту часть леса, где проживал колдун Кабоку.

Визит лично к нему Котори конечно не планировала, а вот посмотреть, что делают люди, находящиеся там же, неподалёку от его дома, она хотела. Более того, её сейчас терзало обычное любопытство, почему колдун Кабоку, вопреки давно сложившемуся у него, собственному обычаю, не принял в своём доме, пришедших к нему людей.

Насколько она знала старого доброго колдуна, это странным образом противоречило его привычкам.

И вообще, колдун Кабоку, являясь добрым колдуном, живя всю свою взрослую жизнь один, никогда не отворачивался от приходивших к нему людей, стараясь, всем, чем может, помочь им. Его дом, всегда был для них открыт, что в свою очередь служило для него отличным поводом лишний раз поколдовать.

В отличие от колдуна Доубуцу, о котором пойдёт речь позднее, колдун Кабоку пользовался магией, чуть ли непостоянно. Она исходила от него повсюду, где бы он ни находился. Даже свой, двухэтажный просторный деревянный дом он и то создал целиком благодаря своему колдовству.

В остальном, если упоминать о привычках и характере колдуна Кабоку, в первую очередь следует отметить его любовь к растениям. Если он был один, то всего себя посвящал любимому занятию; облагораживанию своего большого сада, где потом, отдыхая, каждый раз, сколько бы там ни был, впадал в размышления о жизни.

В этом он был похож на своего соседа, по Цветущему лесу, колдуна Доубуцу. Только тот слушал звуки природы, предаваясь своим мыслям, а колдун Кабоку создавал природу, растительную природу, которая затем и являлась для него источником философских мыслей.

Если говорить о внешности колдуна Кабоку, то по виду своему он походил на обычного, довольно ещё крепкого старичка. Его морщинистое лицо украшала маленькая седая борода. Серые глаза под большими мохнатыми седыми бровями, всегда были наполнены радостью, мудростью и добротой. А голос с лёгкой хрипотцой, поскольку колдун Кабоку очень жаловал свою, такую же старую, как и он сам, чёрную, загнутую полукольцом, костяную трубку, был мягким и басистым. Одевался он всегда в тёмно-зелёные одежды. Голову его венчала маленькая, круглая, тоже тёмно-зелёного цвета, шапочка. Уклад своей жизни, колдун Кабоку никогда не менял, сохраняя своё миролюбие ко всем гостям, приходившим в его дом с добром.

Единственные из числа тех, кто, несомненно, мог бы рассчитывать на прохладный приём со стороны колдуна Кабоку приди они к нему, так это были одни злые колдуны.

На счастье доброго колдуна Кабоку, они не посещали его дом никогда, а что касается случайных встреч где-нибудь в лесу, так тут тоже всё всегда проходило гладко. Колдуны просто расходились в разные стороны, как бы совсем не замечая друг друга.

Всё это Котори знала так же хорошо, как и все остальные лесные жители, а потому только ещё сильнее теперь удивлялась, не понимая поступка колдуна Кабоку.

В остальном, она, не подавая вида, что её одолевают мысли о колдуне Кабоку, продолжала сейчас лететь по лесу вместе со своей стаей, к его дому, чтобы там посетить его прекрасный сад, а заодно уже на месте посмотреть, как обстоят дела у людей, находившихся неподалёку.

Опустив подробности того, как стайка весёлых амадин, не переставая перекликаться между собою и другими лесными птицами, миновав довольно большую часть леса, наконец-таки добралась до жилища колдуна Кабоку и соответственно до его сада, я скажу, что на момент их прибытия туда, Такехико и Сузуме, были приняты колдуном Кабоку в его доме.

Котори узнала об этом, заглянув через открытое окно, когда вместе со своей стаей, весело щебеча, пролетала мимо.

Глава 9. И всё же Кабоку добрый колдун

– Вы наверно решили, что я стал злым колдуном, – произнёс колдун Кабоку, стоя в центре комнаты, куда Такехико и Сузуме вошли, после его приглашения зайти к нему в дом.

– Я так не думал! – воскликнул Сузуме. – И господину Такехико про вас говорил исключительно хорошее, и о том, что в нашей деревне каждый житель знает вас только как доброго колдуна.

– Это правда, господин Кабоку, – кланяясь, подтвердил Такехико слова Сузуме. – Я узнал ваше имя только вчера, и всё что мне довелось услышать про вас от Сузуме, было выражено им только в самых хороших словах, побудивших меня, принять решение прийти к вам за советом.

– Простите меня за то, что я вас давеча подверг небольшому испытанию, – приложив правую руку к своей груди, покачивая головой, сказал колдун Кабоку.

– Это вы должны нас простить за то, что мы посмели нарушить ваш покой, – произнёс Такехико, поклонившись доброму колдуну.

– Полно вам, – слегка махнув рукой, мягко проговорил колдун Кабоку и продолжил, – меня насторожили ваши слова относительно того, что вас интересует колдунья Акаи. Мне о ней практически ничего неизвестно, зато я знаю, что она чрезвычайно злая. А ещё, так уж случилось, мне довелось пообщаться с теми, кто искал её.

Во второй раз, прижав руку к груди, колдун Кабоку произнёс, усаживаясь возле окна, в плетёное кресло, являвшееся его любимым предметом отдыха из числа подобной мебели, имевшейся в его доме:

– И поверьте, встречи с теми людьми, для меня оказались на редкость очень неприятными, и хоть это было очень давно, позабыть их я не смог. Да-да, и только именно поэтому я вас подверг небольшому испытанию, которое могло бы оказаться и другим, но оценив ваше поведение ещё в самом начале своих чар, отличавшееся от проявления безумия в поведении тех людей коих мне приходилось видеть раньше, я пришёл к выводу, что далее колдовать, необходимости просто нет, и самым разумным поступком для меня будет, это выслушать вас.

Замолчав, колдун Кабоку дал знак рукой, что готов ответить на вопросы пришедших к нему людей.

Сузуме отступил назад, показывая тем самым Такехико, что предоставляет ему возможность, объяснить самому, свою цель визита к колдуну Кабоку.

Поняв это, Такехико начал с главного, поведав колдуну Кабоку сначала историю с домом злого колдуна Идзивару, затем рассказал о визите к мудрецу Касикой, а так же в нескольких словах коснулся совета Макото, искать добрых колдунов.

Колдун Кабоку слушал очень внимательно, то глядя на Такехико, то в задумчивости чуть опуская взгляд, согласно кивал головой, то опять устремляя взор на Такехико.

Когда всё было сказано, молодой человек поклонился и замер в ожидании ответа колдуна Кабоку, который теперь был занят своими размышлениями.

Сузуме стоя с чуть опущенной вниз головой в стороне от Такехико, лишь слегка переминался с ноги на ногу, сохраняя скромное молчание, потому что просто не посмел вмешиваться в его рассказ.

– Теперь я понимаю, почему люди, приходившие ко мне до вас, с тем же намерением встретиться с колдуньей Акаи, вели себя не совсем обычно, и я бы даже сказал, очень необычно, – проговорил колдун Кабоку, глядя на Такехико.

После этих слов, колдун на какое-то время смолк.

– Тебя очевидно колдовские чары дома Идзивару, коснулись несколько меньше, чем их, – продолжил колдун Кабоку, словно понял разницу поведения Такехико от тех людей, что приходили к нему в поисках колдуньи Акаи, раньше. – Ты совсем другой, ты ещё понимаешь суть

вещей. Это даже сейчас читается в твоих глазах – ты удивлён тому, что слышишь. Такое твоё поведение, меня радует и вселяет надежду, что беда твоя поправима. И хоть я не знаю, где живёт колдунья Акаи, помочь тебе в её поисках, постараюсь. А пока прошу вас быть гостями моего дома, располагайтесь, и позвольте мне оставить вас одних, чтобы я мог уделить время поиску ответа на ваш вопрос.

– Это ваше право, уважаемый господин Кабоку, – сказал Такехико, поклонившись старому колдуну.

Сузуме, хранивший доселе молчание и неподвижность, тоже поклонился колдуну, но, как и прежде не проронил при этом ни слова.

Когда Такехико и Сузуме после поклонов подняли головы, они увидели, что остались в комнате одни.

– Я говорил вам господин, что колдун Кабоку добрый колдун! – весело воскликнул Сузуме, не сходя с места.

– Теперь, когда всё выяснилось я и сам в это верю! – так же как и Сузуме, никуда не двигаясь, сказал Такехико.

– Может, на правах гостей мы присядем? – спросил Сузуме, взглянув на Такехико, продолжая стоять на прежнем месте.

– А почему бы и нет, – согласился Такехико с предложением Сузуме, и первым направился к окну, где возле любимого кресла колдуна Кабоку, стояло несколько стульев.

Сузуме последовал за ним.

Но стоило им только сойти с места, как добрый колдун Кабоку вернулся в свой дом, появившись возле окна, прямо в любимом кресле, откуда сразу начал рассказывать всё, что узнал про колдунью Акаи.

Тут я уважаемый читатель, прежде чем продолжить рассказывать вам сию историю, сделаю маленькое отступление, чтобы пояснить про любимое кресло колдуна Кабоку, коли уж дважды упомянул о нём, как о любимом предмете мебели, предназначенном создателем своим для отдыха.

В доме доброго колдуна Кабоку было предостаточно разнообразной мебели, на которую можно было сесть, и все они, будь то табуреты, стулья или же маленькие диванчики, не говоря уже о кроватях, находились всегда на своих одних и тех же постоянных местах, из года в год, не передвигаясь в другие комнаты.

И совсем другое дело было со старым плетёным креслом, побывавшем на своём веку не только во всех комнатах просторного дома, принадлежащего доброму колдуну Кабоку, но и за его пределами, то есть в саду.

Я не говорю сейчас о том, что вся остальная мебель, существовавшая в доме доброго колдуна Кабоку для сидения, не использовалась им вообще.

Нет, она тоже исправно ему служила, но только значительно реже.

А теперь, после того как я разъяснил вам смысл слов о любимом кресле колдуна Кабоку, мы возвращаемся обратно в его дом, на момент когда старый добрый колдун рассказывал людям о колдунье Акаи.

Говорил добрый колдун медленно, чтобы Такехико всё запомнил и когда закончил, встал с кресла, подошёл к небольшому шкафчику, из которого достал небольшой ларец.

– Теперь Такехико ты знаешь о колдунье Акаи ровно столько же, сколько знаю о ней я, – держа ларец в руках, проговорил колдун Кабоку, повернувшись к людям лицом.

Немного помолчав, он продолжил своё обращение к Такехико, подойдя к столу:

– Хотелось бы рассказать тебе о ней больше, но того мне неизвестно, поэтому всё что я сейчас ещё могу сделать для тебя, так это подарить тебе мешочек с несколькими волшебными семенами. Знать заклинание, чтобы воспользоваться ими, не надо, поэтому единственное, что от тебя потребуется, так это посадить семечко в нужном месте и в нужное для тебя время.

И, пожалуй, добавлю ещё к словам Макото, что совет на счёт добрых колдунов он дал весьма хороший, но всё же тебе придётся искать наряду с ними, следы, ведущие к Акаи, поскольку именно она, и только она сможет решить твою проблему. Про Идзивару я не говорю, потому что он пропал, к тому же возможно навсегда, во всяком случае, исключать этого не стоит, да и, будучи по-прежнему в этом мире среди живых, помогать бы тебе, он всё равно не стал, поскольку помощь людям, никогда не входила в его планы.

После этих слов, колдун Кабоку поставил ларец на стол, открыл его, извлёк из него маленький, чёрный, шёлковый мешочек, заглянул в него и, убедившись, что он не пустой, передал его Такехико.

Глава 10. Немного о колдуне Доубуцу и о том, как пропал Сузуме

Вот уже полдня прошло с того момента, как Такехико и Сузуме, покинули дом колдуна Кабоку.

По его совету, пробираясь сквозь лесные заросли Цветущего леса, они сейчас направлялись к другому доброму колдуну, колдуну Доубуцу, дом которого находился в этом же лесу, но в противоположной его части.

Окружённый молодыми кедрами с одной стороны, а с другой низкорослыми деревцами и кустарником, дом колдуна Доубуцу, по своей форме, больше походил на высокую прямоугольную башню, и всё же это был жилой дом, с большой открытой площадкой, обращённой на солнечную сторону, на самом верху башни.

Именно там, возвышаясь над низко растущими деревьями, на свежем воздухе, под солнечным светом, в прохладных волнах свободно гуляющего наверху ветра, и любил проводить большую часть своего времени, колдун Доубуцу. Стоявший перед ним маленький столик, позволял записывать на бумаге, приходившие в его голову философские мысли. А если день задавался не важным и вместо солнца на небе были одни хмурые тёмные тучи, из-за которых воздух был пронизан сплошной дождевой пеленой, беспрестанно льющимися с неба потоками воды, колдун Доубуцу, укутавшись потеплее, сидел наверху под зонтом, слушая музыку дождя. В такое время ему даже лучше думалось, насколько была прекрасна непрерывная мелодия падающих дождевых капель, звучащих гулкой барабанной дробью по бумажному зонту и деревянной поверхности стоявшего рядом с ним стола.

Сравниться с этими звуками могла лишь весенняя капель, когда прозрачные блестящие капли кристально чистой воды, падая с тающих сосулек, висящих под крышей дома, где жил колдун Доубуцу, а также слетая с деревьев растущих рядом с домом, попадали в многочисленные лужицы, кои сплошным ковром в это время года покрывали уставшую от холодной зимы землю.

Чтобы насладиться музыкой весны, колдун Доубуцу спускался вниз, где перед дверью, ведущей в дом, под широким деревянным навесом находилась маленькая дубовая скамья, а земля возле неё была вымощена камнями, в крошечных выемках которых скапливалась вода, представляя собой эдакое подобие необычного музыкального инструмента, когда упавшие капли, попадали в неё.

Всё остальное время Доубуцу находился либо в лесу, на прогулке, либо дома, переходя из одной комнаты в другую, в зависимости от того, чем предполагал заниматься, ибо каждая комната его дома, была обустроена строго под его индивидуальные запросы.

Только одна комната во всём его доме была, или лучше сказать не имела своего узкого предназначения.

Её нахождение на первом этаже, сразу после небольшой прихожей, и обуславливало её разносторонность применения, о чём посетители дома, то есть гости, будь то частые или редкие, даже никогда и не догадывались.

Жил Доубуцу в этом доме один, предпочитая любым слугам, самого себя, или, в самом крайнем случае, своё колдовство.

Единственным родным человеком для него была его дочь, которая жила от него отдельно, в этом же лесу, в своём доме, значительно уступавшем по размерам отчему, и которая каждый день навещала его, или в доме, или на прогулке в лесу, хорошо зная его излюбленные места.

Во время этих встреч, колдун Доубуцу узнавал от своей дочери все лесные новости. Не стала исключением и новость о том, что в лесу появились путники. Именно путники, а не простые собиратели корней и лекарственных трав, что было итак не частым явлением

в той отдалённой части леса, где проживал колдун Доубуцу, ибо люди выбирая для себя путь через Цветущий лес, всегда следовали по наезженной дороге, проложенной в стороне от его дома.

О появлении в отдалённых окрестностях его дома, двух молодых людей, Такехико и Сузуме, ему стало известно почти сразу и опять же только благодаря своей дочери.

Принимать какие-либо меры по этому случаю, он не стал, решив дожидаться развития событий своим ходом, для чего не изменяя своим укоренившимся привычкам, жил, как и прежде, словно никакие гости к нему и не спешили.

На этом, оставив колдуна Доубуцу в его доме, я возвращаюсь обратно в Цветущий лес, к тому месту, где сейчас появились Такехико и Сузуме.

– Мы скоро я полагаю, если учитывать время, проведённое в пути, должны уже прийти к дому колдуна Доубуцу, – разглядывая местность, сказал Такехико, остановившись возле ручья, прозрачные воды которого, блестя искорками отражавшегося в нём солнца, плавно катились в невысокой траве, омывая собой разноцветные камушки, коих было полно и на дне водного потока, и на обоих его берегах.

– А мы не могли заблудиться, господин? – спросил Сузуме, нагибаясь к ручью, чтобы напиться, даже не обращая внимания на изобилие цветных камешков находящихся на дне водного потока.

Надо сказать, что эти камешки часто привлекали внимание людей, встречавших сей ручей и лишь Сузуме настолько желавший скорее утолить свою жажду, даже не взглянул на них.

– Всё конечно может быть, но я, пока мы шли по лесу, всё время ориентировался по солнцу, да и ручей из которого ты сейчас пьёшь воду, по всем приметам, вероятнее всего тот о котором нам говорил колдун Кабоку.

– Вода в этом ручье великолепна, господин! – восхищённо произнёс Сузуме, посмотрев на Такехико.

– Это ещё раз подтверждает, что мы на верном пути, согласно словам колдуна Кабоку, – сказал Такехико, с разбегу перепрыгнув через ручей, после чего оказавшись на другом его берегу, сел на траву для кратковременного отдыха.

Сузуме вдоволь напившись прохладной, кристально чистой воды, ополоснув лицо и слегка смочив волосы, тоже перепрыгнул ручей.

Мимолётный взгляд на разноцветные камешки не заставил Сузуме любоваться ими. Причиной тому после сладостного утоления жажды, стало неожиданно навалившееся на него, сильное желание спать.

Оказавшись рядом с Такехико, он сел возле него на траву, не снимая с плеча своей дорожной сумы и мгновенно уснул.

– Не время сейчас спать, Сузуме, – воскликнул Такехико, глядя на усеянное мелкими каплями воды, лицо спящего товарища.

Сузуме не ответил, более того, он даже бровью не повёл, насколько крепко уснул. И даже когда Такехико легонько толкнул его в бок, продолжал спокойно спать.

После повторного толчка в бок, на который также не последовало никакого ответа, Такехико почувствовав неладное, начал трясти Сузуме обеими руками, одновременно выкрикивая его имя.

Безрезультатно, Сузуме продолжал безмятежно спать.

Тогда Такехико наклонившись к ручью, зачерпнул ладонями воду и плеснул её Сузуме прямо в лицо, стараясь попасть на закрытые веки.

Ни один мускул не дрогнул на лице Сузуме. Да и всё его тело оставалось неподвижным, словно в эту минуту, в нём погас огонь жизни.

– Этого не может быть, – прошептал Такехико.

И чтобы развеять внезапно нахлынувшие сомнения и убедиться, жив ли Сузуме, Такехико склонившись над ним, приложил ухо к его груди. Равномерное сердцебиение успокоило его, но не дало ответа на случившееся.

Растерянно взглянув на ручей, Такехико недолго думая, взвалив Сузуме себе на плечо, и прихватив его дорожную суму, решил уйти подальше от этого места, которое в эту минуту, вдруг показалось ему опасным.

Тяжело ступая под давящей тяжестью тела Сузуме, Такехико стараясь не оступиться и не упасть, придерживая на плече своего товарища обеими руками, шагал через лес, ища дом колдуна Доубуцу, одновременно уходя подальше от ручья, воды которого теперь считал отравленными.

«Только бы успеть донести Сузуме живым до колдуна Доубуцу», – думал Такехико, не останавливаясь, решив идти столько, сколько сможет выдержать.

«Возвращаться к колдуну Кабоку уже поздно, слишком далеко мы ушли от его дома, я могу не успеть», – продолжал думать Такехико, все, также, не останавливаясь, упорно делая шаг за шагом, неся Сузуме на своём плече.

Вдруг он остановился, удивлённо глядя на спокойно текущий перед ним ручей схожий по внешнему виду с тем, от которого недавно ушёл.

– Колдун Кабоку не говорил, что нам придётся дважды пересекать ручей, – промолвил Такехико сам себе, продолжая стоять на месте, глядя на тихо бурлящий поток, кристально-прозрачной воды.

Взглянув на солнце, которое светило среди пышных облаков, Такехико убедился, что держит прежнее направление, в котором шёл, устремляясь к дому доброго колдуна Доубуцу.

– Если предположить что я никуда не сворачивал с избранного пути, то откуда здесь мог взяться второй ручей? – негромко спросил сам у себя Такехико.

– Или я случайно проскочил дом колдуна Доубуцу, не заметив его за густым кустарником, который огибал из-за того, что не нашёл удобной возможности пройти через него, – продолжал вслух размышлять Такехико.

– Тогда мне надо вернуться к тем кустам и попытаться пройти через них, – решил Такехико, поворачивая назад.

Ощупав руку Сузуме и убедившись, что она тёплая, Такехико поправив товарища на своём плече, пустился в обратном направлении, к непроходимым зарослям орешника, доминирующего на этом участке леса перед другими растениями, и растущего вперемишку с небольшим скоплением дикого шиповника.

Дойдя до кустов орешника, Такехико прямо сходу, не останавливаясь, нырнул в эти заросли, избегая острых шипов дикого шиповника, прокладывая себе маршрут через наименьшее скопление растений, а также пользуясь небольшими проходами, которые судя по следам, кои имелись здесь в бесчисленном количестве, были проделаны дикими зверями. Среди оставленных разнообразных следов под свисающими ветвями орешника, были и медвежьи, и кабаньи, отчётливо видимые на изрытой земле, и скорее всего, здесь имелись и более мелкие отпечатки, принадлежащие зверям поменьше, плохо различимые в общей массе, смешанной с прошлогодней листвой и старой, примятой, пожухлой травой.

С большим трудом, пробравшись сквозь заросли орешника, исцарапав не только себя, но и Сузуме, Такехико, наконец, выбрался по другую его сторону, где сразу же, положив своего товарища и две дорожные сумы на мягкую траву, устроил для себя небольшой привал.

– О том, что нам предстоит пробираться через подобные заросли, колдун Кабоку также нас не предупреждал, – негромко с досадой в голосе, воскликнул Такехико, глядя на свои исцарапанные руки.

Но больше всего Такехико был удивлён, когда оглядевшись по сторонам, обнаружил наличие знакомого ручья, спокойно несущего свои прозрачные воды, буквально в нескольких шагах от злосчастного орешника.

Оставив Сузуме лежать на траве, Такехико не поверив своим глазам, весь переполненный трепещущим чувством растерянности, подошёл к ручью.

Продолжая не верить тому, что он видит всё те же камушки, молодой человек даже нагнулся, чтобы коснуться одного из них рукой. При этом он не стал опускать руку в воду, дотронувшись до маленького жёлтого камешка, лежащего на влажном берегу ручья возле самой кромки воды, которая слегка его омывала. Ощутив кожей рук, прохладу мокрого камня, Такехико отпрянул назад. Все сомнения в том, что это был прежний ручей, тут же пропали в одно мгновение, оставив колющее предчувствие затаившейся опасности, не только в душе, но и в груди, в учащённо забившемся сердце.

Стараясь не шуметь, прислушиваясь к звукам леса, Такехико медленно поднялся на ноги, пятясь, сделал пару шагов назад, затем развернулся, чтобы вернуться к оставленному товарищу, но не успел сделать и полшага в сторону кустов орешника, как обжигающая сознание мысль, в тот же момент, когда он посмотрел вперёд, выстрелом прозвучала в голове:

«Сузуме исчез!»

На том месте, где он лежал, ещё буквально несколько секунд назад, была теперь лишь смятая трава и две дорожные сумы.

Стремительно подбежав к орешнику, Такехико стал отрывисто двигаться, то приседая, то поднимаясь во весь рост, вглядываясь в кусты и пространство между ними, ища возможные следы похитителя или похитителей Сузуме.

Не обнаружив никого, Такехико также быстро вернулся к тому месту, где он оставлял Сузуме, в надежде обнаружить там, хотя бы один, малейший след, его таинственного похищения.

Мысль о том, что Сузуме придя в себя, мог, ничего не соображая, просто уйти сам, представлялась Такехико не слишком правдоподобной, да и времени у его приятеля было на то не слишком много, если брать в расчёт его состояние.

Во время осмотра последнего места пребывания Сузуме, Такехико обратил внимание, на то, что трава там, была влажной, и это несмотря на почти ясный, солнечный день.

Усомнившись в своей, как ему показалось нелепой догадке, Такехико всё же произвёл более тщательный осмотр влажной травы и был буквально обескуражен, найдя в ней два маленьких, цветных камешка.

– Опять колдовские штучки, – тихо произнёс Такехико, и, поднимаясь на ноги, не глядя, бросил найденные камешки обратно в траву.

«Где же теперь мне искать Сузуме», – подумал Такехико, подняв глаза в небо, стоя там, где он в последний раз видел своего друга, когда оставлял его лежать на траве под кустом орешника.

«Именно друга, а не товарища, – как теперь думал Такехико, – ибо только другом можно было отныне называть Сузуме, попавшего из-за него, Такехико, в эту беду и возможно уже, поплатившегося за искреннюю преданность, своей жизнью».

Сдерживая слёзы, склонив голову к низу, Такехико попросил у Сузуме прощения, шепча слова пересохшими губами, после чего подняв голову, так же тихо простился с ним, и, поклявшись найти того, кто виновен в случившейся беде, взяв обе дорожные сумы в руки, перепрыгнув через ручей, побрёл по лесу в поисках дома, принадлежащего колдуну Доубуцу.

И хоть Такехико простился с Сузуме, надежда на то, что ещё не всё потеряно, вызвала в нём принятие противоречащего своим прощальным словам решения, искать своего друга, во что бы то ни стало, и, найдя его, непременно спасти, пускай даже ценой своей жизни.

Глава 11. Колдун Доубуцу и его дочь

И пока Такехико беспрестанно терзаясь потерей своего друга, позабыв про собственную усталость, бродил по Цветущему лесу в поисках дома колдуна Доубуцу, не обращая внимания на то, что уже порядком заплутал, сам колдун в это самое время, находясь на открытой площадке своей «башни», пребывая в одиночестве, что как я уже говорил, являлось для него делом обычным, сидел на маленьком деревянном стуле, млея под тёплыми лучами солнца. Одетый в шёлковые, светло-жёлтые одежды, такого же цвета, высокую шапочку, колдун Доубуцу своим видом почти всегда, а, равно как и сейчас, больше походил на зажиточного землевладельца, нежели на колдуна. Его круглое лицо, ещё не имело обильных старческих морщин, несмотря на уже довольно преклонный возраст. И даже коротко постриженные волосы, слегка выглядывающие из-под головного убора, ещё не были подвержены старческой седине. Всегда гладко выбритый подбородок, маленькие чёрные усики, тонкие брови и голубые искорки глаз, отлично скрывали его истинный возраст.

Прибавив сюда живость в общении, твёрдую походку и достаточно задорный нрав, можно было и вовсе решить, что перед нами не старый колдун, давно перешагнувший столетний рубеж, а всецело ещё полный жизненных сил, чуть больше средних лет, мужчина.

Итак, как уже было сказано, колдун Доубуцу сейчас находился на верху своего дома, на открытой площадке, под тёплыми лучами солнца.

Блаженно закрыв глаза, и спокойно предаваясь разнообразным, непринуждённо текущим в его сознании размышлениям, колдун Доубуцу слушал тихую мелодию ветра, в ожидании появления своей дочери, которая должна была сообщить ему все самые последние новости, касающиеся Такехико и Сузуме.

Конечно, колдун Доубуцу мог бы прибегнуть и к колдовству, чтобы узнать, где сейчас находятся Такехико и Сузуме, но это не входило в его привычки. Он предпочитал быть похожим на людей, и пользовался магией только тогда, когда без неё либо нельзя было обойтись, либо она была просто необходима. К тому же сегодня он ещё не виделся со своей дочерью, которая никогда не пропускала встречи с ним, как бы ни была занята делами.

– Ты сегодня решила, поднимаясь ко мне, отказаться от колдовства, что для меня явилось неожиданностью, – проговорил колдун Доубуцу, не открывая глаз, когда едва слышимый шорох шёлковой одежды появившейся на площадке молодой женщины, нарушил его уединение.

Походка у дочери колдуна Доубуцу была бесшумной.

– Я подумала, что тебе будет приятно, если я появлюсь перед тобой, поднявшись по лестнице, которая каждый день познаёт на себе твои шаги, отец.

Доубуцу открыл глаза, и, пристально посмотрев на стоявшую перед ним дочь, произнёс:

– Твой поступок льётся живительным эликсиром на моё старое уставшее сердце, прибавляя ему сил и делая его моложе, ибо мне видеть тебя, какая ты есть, приятно вдвойне, ведь ты так похожа на свою мать, что если бы она была сейчас с нами, я бы, скорее всего, мог вас даже ненароком перепутать.

Доубуцу жестом руки остановил дочь, которая уже собиралась спросить отца о своей матери:

– Я упомянул о твоей матери невольно, просто не сдержавшись, высказал действительность, и полагаю, сделал этим ошибку, ибо мне не следовало этого делать, так что давай не будем теревить нашу нынешнюю спокойную жизнь, грустными для нас воспоминаниями, от которых ноет душа, и нет покоя сознанию.

Доубуцу встав со стула, пройдя мимо дочери, стоявшей неподвижно, подошёл к краю площадки обращённой в сторону солнца и, не оборачиваясь, спросил:

– Я весь во внимании, и готов услышать от тебя, где сейчас находятся те люди, что недавно посетили колдуна Кабоку, и нет ли в нашем лесу ещё каких-нибудь новых незваных гостей?

– Более никого нет, а что касается тех двоих, так один из них направляется к тебе, и занят тем, что заблудившись в лесу, ищет сюда дорогу.

– А где другой, и кто из них кто? – обернулся к своей дочери колдун Доубуцу.

– О втором, его зовут Сузуме, беспокоиться не стоит, поскольку он сейчас спит, и про-будет в этом состоянии ещё довольно долго, а вот первый, его зовут Такехико, сердцем, душой и обличем воин, и как я уже сказала, направляется сейчас сюда.

– Твои слова хоть и понятны для меня, всё же полны некоторой загадочности и всего не поясняют. Мне хотелось бы узнать, подробнее о Сузуме, и раз уж он спит, то где то место, в котором проходит его сон.

– Сузуме сопровождал Такехико, может он его слуга, а возможно и другое, к примеру, его друг, хотя и не воин. А находится он сейчас в доме Симидзу, который его сначала усыпил, а потом, крепко спящего похитил.

– Надеюсь, Сузуме не причинили зла, и он не только в полном порядке, но и пребывает в доме Симидзу, как уважаемый гость?

– Разумеется отец.

– Проследи за тем, чтобы Такехико благополучно добрался до моего дома, и пожалуйста, впредь, не будь столь поспешна в своих решениях, как это произошло с Сузуме.

– Хорошо отец, я буду осмотрительней и с твоего позволения сейчас же отправлюсь на помощь Такехико, чтобы указать ему дорогу к твоему дому, если он сам не сможет её найти.

Доубуцу согласно кивнул головой и прежде чем они с дочерью расстались, произнёс:

– Пожалуйста, сделай так, чтобы Такехико не только тебя не увидел, но и не ощутил того, что ты его ведёшь сюда, или даже будет лучше, если твои друзья птицы помогут ему; попроси их об этом.

И пока дочь колдуна Доубуцу в окружении птиц спешила навстречу Такехико, чтобы найдя его в лесу, поскорее привести в дом своего отца, Сузуме продолжал крепко и безмятежно спать в доме Симидзу, лёжа на мягкой кровати, предназначенной как раз для гостей, кои были у здешнего хозяина весьма нечасто, ввиду проживания последнего в самом центре огромного Цветущего леса, куда редко кто забредал.

Сам Симидзу, уверенный в том, что его сегодняшний гость раньше предполагаемого часа никак не проснётся, исполняя указание своей любимой госпожи, был в это время в Цветущем лесу, где прячась от Такехико, упорно искавшего дом колдуна Доубуцу, следил за каждым его передвижением.

Это было для него совсем не трудно, поскольку он, Симидзу, тоже обладал умением колдовать, правда совсем немного и всё же это в свою очередь позволяло ему быть повелителем того самого ручья, украшенного цветными камушками.

Ловко скрывавшаяся в густой траве, прозрачная вода ручья, была для Симидзу сразу всем, и ушами, и глазами, и даже руками, если требовалось что-либо взять, как это было, когда представилась возможность, незаметно похитить Сузуме.

Следить за людьми Симидзу приказала дочь колдуна Доубуцу, а вот похищение Сузуме, он совершил, по собственному желанию, дабы лучше угодить своей госпоже, и поскольку она, как и её отец была доброй, то произвёл он сие дело, весьма аккуратно, о чём тут же ей и доложил.

Похвалить его за это, как тому хотелось, она не похвалила, но главное и заслуженного наказания делать не стала, так, ограничившись устной нотацией за излишнюю инициативу, дочь колдуна Доубуцу, распорядившись следить за Такехико, поспешила встретиться со своим отцом. Говоря о встрече старого доброго колдуна с собственной дочерью, молодой колдуньей,

я как раз упомянул о том, что вам уже известно уважаемый читатель, а пояснение моё сейчас предназначено всего лишь для расстановки событий во времени, после чего мы возвращаемся в лес, где оставили Такехико.

С того времени, как я рассказывая свою историю отвлёкся от нашего главного героя, он уже успел свершить довольно много шагов, правда в силу того, что всё время петлял, слишком далеко от места, где был оставлен нами, не ушёл. И по-прежнему неподалёку от него, скрываясь в траве, протекал знакомый нам ручей, хозяин которого Симидзу, что называется, не сводил сейчас своих глаз с бродившего по лесу Такехико, который, невзирая на всю свою, казалось бы, нечеловеческую усталость, всё ещё продолжал идти вперёд, без единой остановки. При этом Такехико уже не искал лёгкой дороги, следуя лишь по условно выбранному для себя направлению, от чего ему приходилось не только шагать между однообразными деревьями, выходя иногда на поляны усеянные цветами, чьи бутоны источали дурманящий аромат, а и пробираться через густой кустарник, если он представал перед путником широкой стеной.

И чем ближе был к дому колдуна Доубуцу, упрямый Такехико, тем больше волновался Симидзу, поскольку он не получил никакого указания, что делать, когда дом колдуна будет найден, а проявлять самостоятельность, опасаясь вновь провиниться перед своей госпожой, повелитель ручья отныне боялся.

И было с чего, ведь волшебную власть, пусть даже и над таким маленьким водным потоком как здешний лесной ручей, Симидзу получил, лично из рук своей госпожи, дочери колдуна Доубуцу, за что, дабы выразить всю свою возможную преданность, продолжал служить ей верой и правдой, стараясь угодить при любом удобном случае.

А чтобы выказать всю благодарность и признательность за сей волшебный дар, Симидзу зная любовь дочери колдуна Доубуцу к всевозможным украшениям, взял да и выложил берега и дно своего ручейка, разноцветными камушками, среди которых, пусть и не часто, а всё же попадались и драгоценные.

Глава 12. Кратко о Симидзу и его госпоже

В этой маленькой главе, я хочу сделать небольшое отступление от происходящих в данную пору событий, тем более что интереса к тому, как Такехико шагает по лесу, где ничего серьёзного с ним произойти не должно, думаю, будет не много. В то же время в моём повествовании наступило вполне подходящее время рассказать о Симидзу и его госпоже, хотя бы чуть поподробнее.

И, конечно же, я постараюсь успеть рассказать вам уважаемый читатель всё, что надумал сейчас рассказать, до начала грядущего момента, во время которого дочь доброго колдуна Доубуцу в окружении лесных птиц, отыщет Такехико в Цветущем лесу.

А чтобы мне теперь рассказать вам уважаемый читатель о дочери колдуна Доубуцу, являвшейся той самой госпожой повелителя лесного ручья Симидзу, следует начать в первую очередь с того, что она была молода и прекрасна. Слово «красива» в данном случае скажет о ней ничтожно мало. Именно слово «прекрасна», то, что можно прямо сказать про неё, совершенно не солгав. Её глубокие, большие карие глаза, были буквально центром всего лица, поскольку оторваться от них взглядом, дано было не каждому из числа тех, кому когда-либо посчастливилось встретиться с ней. Нежные алые губы, дарившие всему миру невинную улыбку молодости, вместе с тонкими изящными линиями изогнутых бровей и бархатистой, персиковой кожей лица, являли собой гармоничное дополнение к бездонным, сияющим добротой глазам. И довершением прекрасного облика очаровательной юной прелестницы были выющиеся, переливающиеся в солнечных лучах, завораживающим блеском, длинные, пышные каштановые волосы, спадавшие на плечи хрупкой и одновременно грациозной фигурки молодой женщины.

Но всеобщую любовь к себе в родном лесу она заслужила не только благодаря своей безупречной красоте, а ещё и тем, что являлась защитницей всех обитателей леса.

Обстоятельство же того, что она была дочерью колдуна Доубуцу, здесь уже не играло никакой роли.

И если колдун Доубуцу, будучи колдуном, причём хорошим колдуном, не всегда, а точнее сказать, не часто и только при необходимости прибегал в своих делах к колдовству, предпочитая, как уже было ранее сказано жить по-житейски, «по-людски», то его красавица дочь в этом, являлась его прямой противоположностью.

Она любила колдовать. Прямо с самых первых дней, как отец стал её учить всему, что умел сам, она полюбила силу магии.

Поняв это, её отец, добрый колдун Доубуцу, после того как научил свою способную дочь всему что знал сам, отправил её к своему давнему другу и одновременно соседу по тому лесу где жил, колдуну Кабоку, являвшемуся, как мы уже знаем, тоже добрым колдуном, чтобы тот передал ей свои знания, поскольку своих наследников не имел.

Получив, таким образом, науку о магии ещё и от колдуна Кабоку, дочь колдуна Доубуцу стала по части колдовской силы, сильнее обоих своих учителей.

И поскольку была она, как и её отец доброй, то колдовала исключительно во благо себя и своего окружения, а также на пользу леса, в котором жила. Все жители леса были с ней знакомы; и звери и птицы и мелкие лесные духи.

Её знали даже лучше, чем знали её отца. Во всяком случае, подобного уважительного отношения к своей личности, которое заслужила она, во всём Цветущем лесу, больше не было ни у кого.

А один из лесных духов, совсем ещё юный, почитал её столь трепетно и бесконечно, что в один прекрасный день, встретив дочь колдуна на прогулке по лесу, поклялся ей в безграничной верности, назвав своей госпожой.

Столь необычное поведение лесного духа, явилось для неё такой полной неожиданностью, что она сразу же согласилась принять его к себе на службу, дав ему имя Симидзу, и пообещав подарить маленький ручей, если тот будет не просто её слугой, а исключительно верным слугой.

И хоть Симидзу став её слугой, оказался при этом единственным слугой, прекрасно поняв, что не имеет по службе других, каких-либо конкурентов, всё же выполнял любое, даже самое малое поручение своей госпожи со всей скрупулёзностью и преданностью, за что довольно быстро заслужил обещанный подарок; маленький лесной ручеек.

Сам по себе ручеек был вполне обычным, но вот волшебная власть над ним, которой сразу же стал владеть Симидзу, благодаря своей госпоже, тот час придала ему новый статус – повелителя лесного ручья. От чего ему только стало легче выполнять приказы своей госпожи, каждый раз подтверждая хорошо исполненным делом, что она правильно поступила, взяв его к себе на службу.

Ну и в довершении к подарку, за преданность госпоже, Симидзу получил возможность построить в лесу для себя небольшой, но довольно уютный, одноэтажный деревянный домик с несколькими комнатами, в котором была даже комната для гостей с окном, выходившим прямо на круглую чашу изящного маленького фонтана.

Взору любого гостя этого дома, окажись он в комнате для гостей возле её окна, сразу бы предстала фигурка бронзовой птички, пьющей воду из опрокинувшегося мраморного кувшина.

«Кто знает, может и ко мне когда-нибудь, кто-нибудь заглянет в гости», – думал Симидзу, обустраивая комнату для гостей.

Его старания придать как можно больше уюта для этой комнаты, были настолько велики, что она сразу же стала самой лучшей среди всех остальных комнат его небольшого домика.

Даже его госпожа, однажды побывав у него в гостях, похвалила Симидзу за прекрасно созданный уют всего дома, особенно отметив ту самую комнату для гостей, где теперь и пребывал Сузуме.

Созерцание изящного фонтана перед окном гостевой комнаты, вызвало у дочери колдуна Доубуцу скромную улыбку, дополнять которую словами она не стала, ограничившись тем, что при помощи своего волшебства, украсила мраморный кувшин разноцветным рисунком, а оперенье птички, покрыла золотом, не забыв украсить её глаза двумя чёрными рубинами.

Глава 13. Такехико и колдун Доубуцу

Итак, возвращаясь к Такехико, скажу, что он был уже совсем близко от дома колдуна Доубуцу, даже не подозревая, что буквально за небольшой бамбуковой рощей можно было увидеть верхушку «башни», когда его нашла дочь колдуна.

Симидзу увидев свою госпожу в сопровождении небольшой стайки лесных птиц, возник перед ней из протекавшего в густой траве ручья, как раз в тот момент, когда Такехико скрылся в бамбуковой роще и не мог уже видеть его появления.

– Я только тайно слежу за Такехико, как вы мне и велели, моя госпожа, – в почтительном поклоне склонился Симидзу перед дочерью колдуна Доубуцу.

– Хорошо Симидзу, теперь я справлюсь без тебя, ступай немедленно к себе домой, и как только твой гость проснётся, сначала устрой ему достойный приём, накормив досыта, после чего ублажай до тех пор, пока за ним не придут. Ну а если до завтрашнего утра никто в твоём доме так и не появится, с целью забрать Сузуме, завтра к полудню, учтиво с ним обходясь, доставишь целым и невредимым в дом моего отца!

– Будет сделано моя госпожа, – с поклоном сказал Симидзу и тут же исчез в ручье, который незамедлительно сменив направление, унёс свои воды в противоположную бамбуковой роще сторону.

Неслышно ступая, обходя места с сухой травой и опавшими ветвями, чтобы не шуметь, окружённая лесными птицами, которые безмолвствовали, дабы не привлекать к себе внимания, дочь колдуна Доубуцу, стараясь не быть обнаруженной Такехико, отправилась за ним следом в бамбуковую рощу.

Птицы, порхавшие вокруг неё, носившиеся кругами среди бамбука, сообщили ей негромким птичьим посвистом, где сейчас находится человек, благодаря чему она смогла выстроить цепь мелких непроходимых преград, в виде чрезвычайно густого колючего кустарника, направив, таким образом, путь Такехико прямо к дому своего отца.

– Башня, – негромко проговорил сам себе Такехико, увидев дом колдуна Доубуцу, мелькнувший в просвете зарослей молодого и ещё не очень высокого бамбука. – Неужели я, наконец-то, его нашёл.

Теперь, когда Такехико видел «башню», и шёл к ней, не сворачивая, дочь колдуна Доубуцу, отпустив своих пернатых помощников, поспешила в отчий дом, превратившись в амадину.

– Такехико скоро будет здесь, – прозвенела маленькая птичка, едва оказалась наверху «башни», перед ходившим от нетерпения большими кругами, колдуном Доубуцу.

– Будь поблизости и оставайся пока в облике амадины, иначе твоя красота затмит уста и разум Такехико, – произнёс колдун Доубуцу, взглянув на маленькую птичку вертевшую своим хвостом прямо перед ним.

– Как скажешь отец, – звонко пропела в ответ птичка, и тут же наколдовав себе небольшую клетку, сделанную из бамбука, стоящую на маленьком, изящном, чёрного дерева, резном инкрустированном столике, юркнула в неё, закрыв за собой дверцу.

Колдун Доубуцу увидев клетку, лишь молча, улыбнулся, похвалив про себя дочь, за столь оригинальную сообразительность. После этого, колдун Доубуцу сел на своё любимое место, предавшись плавному чередованию мыслей в ожидании прихода Такехико, который в это самое время, был от его дома, уже совсем недалеко, буквально в какой-то сотне шагов, отчего их встреча близилась теперь с каждой секундой. И поэтому, погружение в мир философии было для колдуна Доубуцу до того кратким, что хоть появление Такехико и было ожидаемым, оно всё равно несколько расстроило его. Но только лишь на мгновение, после чего выдержав паузу до момента, когда в дверной колокольчик позвонили ещё раз, он встал со стула и при

помощи колдовства, открыв перед гостем входную дверь, покинул верхнюю площадку, спустившись в одну из комнат последнего этажа своего дома.

«И здесь без колдовства жить не могут», – подумал Такехико, осторожно переступив порог дома, входя в маленькую, освещённую несколькими фонарями комнатку, за которой тянулся узкий коридор, уходивший лестницей наверх.

Окон в маленькой комнатке не было, как впрочем, и дверей, если не считать ту, которая сразу же закрылась за спиной Такехико, стоило ему только сделать пару шагов от неё. Остановившись в нерешительности, ожидая дальнейшего приглашения идти вверх по лестнице, ибо другого пути далее не было, Такехико принялся изучать гравюры, кои были главным украшением данного помещения. Долгим изучение не было, так как фонари в комнатке погасли, а на лестнице, не имевшей окон, наоборот зажглись, что послужило для Такехико верным знаком приглашения, идти наверх, и он пошёл, ступая по каменным ступеням, обратив внимание на то, что свет за его спиной всё время пока шло восхождение, сменялся темнотой. Дверей на лестнице не было, иных проходов или выходов тоже, и свернуть куда-либо Такехико не мог, поэтому пройдя все ступеньки, он вышел на самый верх «башни», где обнаружил одну лишь маленькую птичку в клетке. Не зная, что делать дальше, Такехико остановился против клетки с птичкой, разглядывая её в ожидании появления хозяина дома, который не заставил себя долго ждать.

Степенно ступая, колдун Доубуцу почти бесшумно появился на площадке «башни», поднявшись по той же лестнице, по которой сюда пришёл Такехико.

Уловив едва слышимое шуршание, полы шёлкового одеяния колдуна Доубуцу, достававшего в своей длине до самого пола, Такехико сразу обернулся и почтительно поклонился.

– Мне уже известно, зачем ты ко мне пожаловал, – начал колдун Доубуцу. – Поначалу ты просто искал встречи с кем-нибудь из добрых колдунов, не думая кого именно найдёшь. И уже найдя, в данном случае колдуна Кабоку, побывал у него в гостях, после чего он послал тебя ко мне, с одной единственной целью, чтобы я смог указать тебе дальнейший твой путь. А ещё ты ищешь своего неожиданно пропавшего друга.

Присев на стул, колдун Доубуцу, глядя на Такехико, продолжил начатую речь:

– Разумеется, я знаю и о том, что тебя до боли в сердце интересует колдунья Акаи, родная сестра колдуна Идзивару, и ты даже готов рисковать своей жизнью, лишь бы раскрыть тайну страшного заклятья, коснувшегося твоей души, тем самым не дающего равновесия твоему сознанию.

Такехико был весь во внимании, боясь что-либо пропустить или не понять из того, что для него сейчас говорил колдун Доубуцу, а тот, делая небольшие паузы в своей речи, продолжал объяснять молодому человеку, с чем именно ему придётся столкнуться, и что при этом следует делать.

– Где сейчас находится колдун Идзивару, не знает никто, и думаю, искать тебе его не следует, тем более, когда он так внезапно исчез. Я признаться не верю, во все те слухи, которые о нём распускают, будто он повержен более сильным колдуном. Не верю не, потому что этого не может быть, а из-за того, что не было ранее желающих с ним сталкиваться. Простому смертному справиться со столь могущественной личностью как колдун Идзивару не то чтобы нелегко, а вообще весьма затруднительно, если не сказать больше, а что касается других колдунов, магов, чародеев, то он им особенно и не досаждал, чтобы те рисковали своей жизнью в схватке с ним. К тому же, если предположить, что всё-таки нашёлся кто-то, кто победил колдуна Идзивару, то таить бы этого никогда не стал, поскольку подобная слава, независимо от того кому бы принадлежала, была бы только доказательством силы, оспаривать которую или противодействовать оной, желающих не нашлось бы. Иными словами, победитель приобрёл бы для себя незабываемый и неоспоримый авторитет среди всех остальных колдунов в этом мире.

– Глядя в твои глаза, улавливая в них обеспокоенность, я вижу, что ты хочешь задать мне вопрос.

– Да, уважаемый господин Доубуцу! – взволнованно ответил Такехико, поклонившись колдуну.

– Я слушаю тебя Такехико.

– Мне уже говорили, что самым разумным для меня будет, если я пойду к сестре Идзивару, колдунье Акаи.

– Совершенно верно, – согласно качая головой, сказал колдун Доубуцу, глядя на Такехико. – Не зависимо от того, жив Идзивару или нет, у тебя сейчас только этот путь.

– И вы знаете, где мне её найти? – ещё более взволнованным голосом спросил Такехико, не сводя взгляда с колдуна Доубуцу.

В свою очередь, придя в некоторое волнение, от чего он даже встал со стула, колдун Доубуцу молча, прошёл мимо Такехико, потом резко развернувшись, и подойдя почти вплотную к клетке с птичкой, нагнувшись, уставился в неё.

Не отрывая своего взгляда от прыгающей по клетке птички, колдун Доубуцу знаком позвал к себе Такехико и когда тот подошёл, ткнув пальцем в клетку, сказал:

– Посмотри на эту маленькую птичку. Разница между вами, если образно говорить о сути самой жизни, состоит лишь в том, что она уже сейчас сидит в клетке, а ты ещё только ищешь свою клетку, даже не подозревая об этом. В дальнейшем ваши судьбы, станут схожи; продолжится твоя жизнь в клетке или будешь ты впредь свободен, зависеть будет потом по большей части не от тебя.

Сказав эти слова, колдун Доубуцу открыл клетку, и неторопливо вернулся обратно на свой стул, откуда и пронаблюдал, как маленькая птичка покинула свою клетку.

– Видишь? – спросил колдун Доубуцу, показывая пальцем на вылетевшую из клетки и улетающую в лес, маленькую птичку, – я подарил ей свободу, но мог этого и не делать.

– Я не совсем понимаю вас, уважаемый господин Доубуцу, – удивлённо развёл руками Такехико. – Сначала вы подтвердили мне правильность моего выбора, идти к колдунье Акаи, а теперь, исходя из ваших слов и действий на примере выпущенной из клетки птички, я понимаю лишь одно, делать этого вовсе не следует.

– Почти верно сказано, – согласно кивнул головой колдун Доубуцу, – но есть одно «но»! Это своеобразный компромисс для тебя, о котором ты не подумал, а, следовательно, и не учёл. Идти к колдунье Акаи ты всё же должен, но сначала, прежде чем окажешься в её власти, тебе придётся расположить данную особу к себе, иными словами вызвать у неё живой интерес к своей персоне. Если тебе это удастся, считай, половина дела сделана, а что с тобой будет дальше, ты узнаешь только когда попадёшь к колдунье Акаи. Возможно, ты уже обо всём мною сказанном слышал, и я лишь подтверждаю чьи-то слова, но, так или иначе, другого выхода у тебя нет. И помни, наша жизнь превращается в клетку даже тогда, когда мы знаем об этом и делаем всё, чтобы этого не произошло.

– А теперь, – произнёс колдун Доубуцу, вставая со стула, – я расскажу тебе, куда необходимо идти дальше, чтобы дорога привела вас к колдунье Акаи.

– Вы не ошиблись, сказав обо мне во множественном числе, уважаемый господин Доубуцу, – спросил Такехико, не сдержавшись от такого вопроса.

– Твои слова вполне обретут должную справедливость, если ты не возьмёшь с собою в дорогу, своего верного друга Сузуме, который сейчас мирно спит в доме Симидзу, повелителя лесного ручья, – сказал колдун Доубуцу.

– Значит, он жив! – радостно воскликнул Такехико.

– Более того, разум его остался не тронутым, и на теле нет ни единой новой царапины, кроме тех, что он получил в зарослях дикого шиповника, через который ты его протащил, когда искал дорогу к моему дому.

На мгновение Такехико виновато опустил голову, но тут же взглянув на колдуна, спросил:
– Когда я смогу его увидеть, господин Доубуцу?

– Думаю, это случится завтра, а сегодня самым правильным твоим поступком будет, как можно лучше отдохнуть с дороги, но сначала выслушай меня, я расскажу тебе о колдунье Акаи, после чего в моём доме, в твоём распоряжении будет комната, где ты найдёшь для себя еду и тёплую уютную постель.

Рассказ колдуна Доубуцу был кратким, но достаточно подробным, чтобы Такехико твёрдо знал, куда ему следует идти дальше, когда он покинет его дом.

По завершении своего рассказа, колдун Доубуцу отпуская Такехико, указал ему, куда тот должен проследовать, чтобы попасть в гостевую комнату.

Не смея больше ничего спрашивать, Такехико молча поклонился доброму колдуну и, выйдя на лестницу, стал по ней спускаться вниз, уверенный, что попадёт сейчас в маленькую комнату с гравюрами на стене. Как же он был удивлён, когда в конце лестницы вместо предполагаемой комнатки, его ждала просторная жилая комната с окном и небольшим обеденным столиком рядом с ним, на котором стояла приготовленная для него еда.

Пол в помещении был покрыт мягким ковром, а возле одной из стен, как ему и обещал колдун Доубуцу, находилась кровать.

– Я, кажется, никогда не смогу привыкнуть к этим разнообразным волшебным штучкам, – качая головой, проворчал себе под нос Такехико, снимая обувь для того чтобы войти в уютно обставленную комнату.

Глава 14. В гостях у повелителя лесного ручья Симидзу

На следующее утро, почти сразу же по окончании лёгкого завтрака, проведённого за тем же столом, за которым накануне вечером проходил его ужин, Такехико предстал перед колдуном Доубуцу, чтобы поблагодарить его за гостеприимство, простится с ним, и отправиться к повелителю лесного ручья Симидзу.

Как и в первый раз, старый колдун принял Такехико на верхней площадке своего дома. Только сегодня все напутственные слова колдуна Доубуцу, в дополнение к вчерашним своим словам, прозвучали столь кратко, что уже спустя четверть часа после завтрака, Такехико шагнул по Цветущему лесу в направлении дома, где жил Симидзу.

А чтобы на этот раз Такехико не заблудился в этом огромном лесу, его путеводной нитью, прямо от дома колдуна Доубуцу, до порога в дом повелителя лесного ручья Симидзу, был как раз тот самый ручей с цветными камешками.

Насчёт такого необычного указателя, правильного пути, по просьбе доброго колдуна Доубуцу, побеспокоилась его дочь.

Поэтому, мы опять, как это уже бывало неоднократно, оставив Такехико в одиночестве шагать по лесу, благо теперь-то уж он не заблудится, отправимся туда, где нас ждут более важные события, пропустить которые, я думаю, будет неправильно.

К тому же речь сейчас пойдёт о событиях, происходящих в это самое время там, куда как раз и направлялся Такехико, а поскольку мы знаем, что его цель, дом Симидзу, то и говорить я буду о Симидзу и его случайном госте, который как раз уже проснулся.

И проснувшись, не полностью себе, представляя, где он отныне находится, не зная, как попал сюда, и не помнивший что этому предшествовало, Сузуме утолял голод, сидя за большим столом, одновременно слушая весёлую болтовню хозяина дома, Симидзу, который хлопотал вокруг гостя, поднося тому различные угощения в качестве завтрака, больше похожего обилием блюд на праздничный обед.

И было с чего Симидзу пребывать в весёлом настроении: как уже говорилось, гости в его доме бывали не часто, а посему событие это было для него одно из самых заветных и приятных. К тому же сегодня в его доме был гость издалека, а не из числа давно знакомых, местных лесных жителей, и потому он как радушный хозяин, от всей души старался, что называется «не ударить лицом в грязь».

Стол перед Сузуме был заставлен разнообразными рыбными закусками, дичью, лапшой удон в бульоне, рисовыми лепёшками моти, кусками жареного мяса под соевым соусом, ростками бамбука с тушёным мясом, десертами на сладкое, а Симидзу всё продолжал предлагать новые блюда, не переставая в качестве развлечения рассказывать своему дорогому гостю, короткие, забавные, весёлые истории, преимущественно про обитателей здешнего леса, коих знал превеликое множество.

При этом Симидзу клятвенно утверждал, что все до единой истории, которые он теперь рассказывал своему гостю Сузуме, видел лично сам, когда путешествовал по Цветущему лесу.

А тем временем, пока Сузуме теряясь в выборе предложенных ему блюд, пробовал то одно, то другое, беря всего понемногу, стремясь отведать каждое, дабы не обидеть гостеприимного хозяина, Такехико успешно преодолев необходимое лесное пространство, был уже совсем недалеко от дома принадлежащего Симидзу, к порогу которого хотел приблизиться тихо и незаметно.

Но, увы, поскольку Такехико всё время шёл вдоль ручья с цветными камешками, Симидзу о его появлении узнал заблаговременно.

Искренне обрадовавшись от всей души, такому долгожданному стечению обстоятельств, принесся Сузуме свои самые искренние, глубочайшие извинения за вынужденную необходи-

мость временно отлучиться, Симидзу оставил пировать в одиночестве одного гостя, чтобы иметь возможность встретить и с почтением пригласить к праздничному столу, другого.

Выйдя за порог своего дома, навстречу приближающемуся Такехико, скрывая перед ним некоторое смущение за недавний случай, когда он похитил Сузуме, Симидзу всё же был рад его появлению, в качестве нового гостя, и поэтому следом за должным приветствием, сразу же препроводил того к его другу, извиняясь при этом перед ним, на каждом шагу за свою нерасторопность.

Встреча Такехико и Сузуме была похожа на встречу людей, не видевшихся друг с другом, по меньшей мере, лет десять, чем в очередной раз смутила не в меру впечатлительного Симидзу, напоминая ему тем самым, о его вчерашней проделке.

– Господин, расскажите, вы смогли побывать в доме колдуна Доубуцу, вы виделись с ним? – смущённо спросил Сузуме, глядя в лицо Такехико, когда тот выпустил его из своих дружеских объятий.

– Да, Сузуме, я был в гостях у колдуна Доубуцу, и теперь знаю, куда нам следует идти дальше, что в дороге придётся преодолеть, и какие ещё опасные испытания встретятся у нас на пути.

– Рядом с вами господин, меня несколько не тревожат испытания и трудности, какими бы они опасными ни были! – воскликнул Сузуме, гордо подняв голову и приложив руку к груди.

– Это очень хорошо Сузуме, а теперь, перед тем как отправиться в путь, я хочу тебе сказать, что отныне, ты для меня друг, и обращайся, поэтому ко мне впредь, соответственно.

– Являться вашим, то есть твоим другом, для меня великая честь, а потому я прямо сейчас, при свидетеле клянусь, пока в моей груди будет биться сердце, я буду хранить верность нашей дружбе!

Такехико молча, протянул Сузуме руку, закрепив его слова, крепким рукопожатием.

Глава 15. Чёрный лес

– После такого плотного завтрака, на котором я сегодня побывал, мне даже как-то тяжело шагать, – посетовал Сузуме своему другу Такехико, когда они вдвоём, уже шагая по Цветущему лесу в южном направлении, продвигались в сторону Синей реки.

Сказав сейчас, что друзья шли вдвоём, я не сделал оговорки, ибо всего несколько минут назад их было трое, и всё по причине того, что повелитель лесного ручья Симидзу, вызвался их проводить.

И, конечно же, он собирался быть рядом с людьми сравнительно долго.

По крайней мере таковым было его изначальное желание, на которое хоть и несколько быстро, но довольно деликатно повлиял Такехико, напомнив Симидзу о его госпоже.

Так что как ни хотел Симидзу проводить своих гостей до опушки Цветущего леса, а пришлось ему на полпути, простившись с Такехико и Сузуме, возвращаться обратно к себе домой.

– Ты вероятнее всего, позабыв о том, что завтрак всегда должен быть лёгким как небесное облако и достаточно питательным как молоко матери, просто-напросто объелся, – улыбнулся Такехико, глядя на Сузуме, когда обратился к своему другу в ответ на его жалобу.

– Не стану даже пытаться спорить с тобой, поскольку правда твоих слов так необычайно очевидна и неотразима, что мне даже ничего не найти в ответ на них, чтобы хоть как-то возразить тебе.

– Довольно излишней премудрости в выражении своих мыслей, мой друг.

– Беру пример с тебя, – сказал Сузуме, показывая обеими руками на Такехико.

– Сегодня нам необходимо до наступления темноты успеть выйти из Цветущего леса, чтобы достигнув какой-нибудь деревни, иметь возможность получить не только сытный ужин, но и крышу над головой, дабы провести ночь в тёплом доме, в уютной постели, – произнёс Такехико.

– Тогда если дорога по этому лесу предстоит ещё длинная, самым разумным решением для нас, мне представляется, собравшись с силами, прибавить шагу, – сделал вывод Сузуме.

И оба путника, два верных друга, удвоили скорость своего передвижения через Цветущий лес, не переставая при этом вести разговор, за которым даже сразу и не заметили, резкой перемены разновидности, а вместе с ней и цветности, попадавшей на их пути, здешней растительности.

Когда же они всё-таки обратили на это своё внимание, удивлению их, не было предела. Замедлив свои шаги, друзья, пока ещё не думая об опасности, затаившейся в этой части леса, с интересом оглядывали унылые, чёрные стволы высоких деревьев, чьи раскидистые, густые кроны, имевшие на себе только большие чёрные листья, где-то там наверху препятствовали прохождению солнечных лучей, от чего здесь внизу, всё и без того одноцветное, становилось совсем уж мрачным. Даже травянистые растения, растущие под деревьями, были в основном какими-то серыми, и только местами коричневыми с бурым отливом, простыми, напрочь лишёнными каких-либо соцветий, представителями здешней лесной флоры. В довершении к унылому лесному пейзажу, всё находящееся в этом лесу, было погружено в лёгкий полумрак, почти незаметно сгустившийся вокруг людей, по мере их продвижения вперёд, вглубь странного леса.

– Очевидно, мы несколько сбились с пути, – сказал, Такехико останавливаясь.

– Разве колдун Доубуцу ничего тебе про этот необычный чёрный лес не говорил? – спросил Сузуме, остановившись рядом с Такехико.

– В том то и дело, что нет, – ответил Такехико, в задумчивости обернувшись назад, продолжая стоять на месте. – Он по большей части всё объяснял мне, какие трудности предстоит нам преодолеть после того, как мы покинем лес, в котором он живёт.

– Тогда это выглядит более чем странным, поскольку радости такой лес, лично у меня не вызывает, а стало быть ожидать от него можно чего угодно, – сказал Сузуме, вглядываясь вдаль, между деревьями.

– Нам предстоит принять решение: возвращаться или идти...

Договорить Такехико не успел, потому что Сузуме, обрывая его на полуслове, буквально вцепился одной рукой ему в плечо, а другую руку, сначала приложил пальцами к своим губам, потом вытянул вперёд, указывая вглубь чёрного леса.

– Там, далеко за деревьями, кто-то есть, или по крайней мере находился, – шёпотом произнёс Сузуме, – он был неподвижен, стоял и смотрел на меня, не сводя своего страшного взгляда, который затмил лицо, от чего я видел только глаза, пронзительные, чёрные, со вспыхивающими искорками в зрачках, злые глаза и лес, чёрный лес вокруг.

– Может это зверь, медведь, к примеру, или волк, – шёпотом спросил Такехико, вглядываясь в мрачный пейзаж леса, туда, куда сейчас указывал Сузуме, надеясь увидеть там, среди деревьев, таинственного обладателя злого взгляда.

– Я больше ничего не смог разглядеть, хоть и пытался, но уверен, поскольку видел их отчётливо, это были человеческие глаза, или, во всяком случае, не звериные, – ответил Сузуме, глядя в лицо Такехико.

– Главное сейчас не поддаваться панике, сохраняя холодный разум, чтобы суметь быстро и правильно, оценить любую, внезапно возникшую ситуацию, – проговорил вполголоса Такехико, делая Сузуме знак рукой, идти за ним следом, прислушиваясь к звукам чёрного леса, на каждом шагу. – Только так мы сможем обезопасить себя, ну или хотя бы попытаться воспрепятствовать своей быстрой гибели, дав отпор неведомому врагу.

Последние слова Такехико произвели на Сузуме пугающее, жутко настораживающее впечатление, от чего он плотнее приблизился к своему другу, стараясь следовать с ним рядом, на самом, возможно минимальном от него расстоянии.

Так оба друга, прекрасно осознавая, что стоявшая сейчас в этом лесу, мёртвая тишина, была куда опаснее любого шума, решили возвратиться назад, для чего повернув в обратную сторону, осторожно переступая, шаг за шагом, продвигаясь между чёрными деревьями, пошли попятной дорогой, в надежде целыми и невредимыми, выйти в обычный зелёный лес.

– Похоже, Сузуме, мы опять заблудились, – прошептал Такехико, останавливаясь. – Прошло уже довольно много времени, как мы повернули назад, а конца и края нет этому чёрному лесу, словно блуждаем по кругу.

– И виной всему старые, высохшие деревья, из-за которых совсем невидна солнце? – едва слышно спросил Сузуме, остановившись рядом с Такехико, пытаясь разглядеть небо сквозь густые кроны чёрных деревьев.

– Ты Сузуме, очевидно мало бывал в лесу и потому не знаешь, что держаться выбранной дороги можно не только по солнцу, но дело здесь не в этом, потому что я вёл тебя, пользуясь другими ориентирами, и как видишь, мы всё равно заблудились, – с досадой в голосе тихо сказал Такехико.

– Мне действительно мало доводилось бывать в лесу и поэтому я затрудняюсь что-либо сказать, – развёл руками Сузуме.

– Я, так же не знаю точного ответа, но уверен в том, что здесь никак не обошлось без колдовства, и вполне возможно, даже сказал бы вероятнее всего, обладатель злых глаз, которого ты сегодня видел, замешан в этом.

– Значит, он следит за нами, и возможно сейчас, находится где-то не далеко от нас! – воскликнул Сузуме, оглядываясь по сторонам.

– Я подобного не исключаю, но это не самое страшное из того что может быть на данный момент. Худшее теперь я вижу в другой проблеме, если вдруг лес, в котором мы сейчас находимся, принадлежит ему и нам ещё предстоит встреча с ним.

– Как вспомню его злые глаза, так желание знакомиться с ним, и без того весьма неохотное, пропадает вовсе, – тряхнул головой Сузуме, отгоняя неприятное воспоминание.

– Частично наша нынешняя беда состоит как раз в том, что он, кем бы ни являлся, у нас, нашего согласия на знакомство, спрашивать, скорее всего, не будет, – сказал Такехико решив идти дальше, как только что шли, в прежнем направлении назад, в обычный лес.

– От чего же он тогда играет с нами в прятки?

– Очевидно, у него на то есть свои причины, и они не добрые. Так что у нас сейчас главная задача, выбраться отсюда как можно скорее, а уж потом будем искать дорогу дальше.

– Может делать засечки на деревьях, чтобы наверняка знать, где мы уже были? – спросил Сузуме, следуя за Такехико по пятам.

– Я думаю, это не поможет. Он или будет их маскировать или станет делать свои, чтобы окончательно нас запутать.

– Значит, будем идти наугад? – спросил Сузуме, оглядываясь по сторонам.

– Иного выхода я не вижу, разве что стараться идти по солнцу, которое отчасти временами, всё же видно там, где есть поваленные деревья, поскольку власти над ним наш таинственный незнакомец, я думаю, скорее всего, не имеет.

– Неужели на земле существуют повелители солнца?

– Проще промолчать или сказать, кого в этом мире нет, чем дать достоверный ответ на твой вопрос, – ответил Такехико, обернувшись на ходу, чтобы видеть идущего сзади него Сузуме. – В последнее время в нашем мире, вокруг людей, появилось столько разных колдунов, что уже трудно сразу догадаться кто из них добрый, а кто злой, и кто на что по части волшебной силы способен.

И в тот же миг над головами людей, как бы подтверждая слова о колдовстве, послышался треск переплетавшихся между собой, оживших чёрных ветвей, от чего внизу у подножия деревьев, начала сгущаться темнота. Такехико и Сузуме остановились, глядя наверх.

– Теперь мы солнца не увидим, – вымолвил Сузуме, грустно глядя на разрастающиеся ветви чёрных деревьев.

– Похоже, что за нами сейчас не только наблюдают, а также нас ещё и подслушивают, – сказал Такехико, перестав смотреть наверх, чтобы оглядеться внизу, пока темнота не поглотила всё на своём пути.

– А что если воспользоваться подарком колдуна Кабоку? – тихим голосом спросил Сузуме, пытаясь разглядеть лицо Такехико в сгустившейся темноте.

– Ты прав Сузуме, хотя я, конечно, не думал, что так скоро придётся прибегнуть к тому, что берёт на самый крайний случай, да видно другого выхода нет, – сказал Такехико, доставая драгоценный мешочек с волшебными семенами. Вот только какое из них выбрать?

И спросив сам у себя, Такехико в раскрытом мешочке, нащупал кончиками пальцев сразу несколько семян.

Выбирать не пришлось, потому что одно из семян, вспыхнув искоркой ярко-жёлтого огня, само вылетело из мешочка и, упав на землю, тут же проросло, пустив длинные, сплетающиеся в клубок зелёные побеги, на которых одновременно с их ростом начали произрастать ярко-жёлтые бутоны.

И вот уже царство непроглядной темноты разорвалось, отступая от вспыхнувшего света, исходившего от многочисленных раскрывшихся цветов, которые одновременно вместе с листьями, всё произрастали и произрастали, на зелёных побегах, излучая вокруг себя цвет солнца.

Когда растение стало больше напоминать огненный шар, один из новых ростков отделился в сторону, и одновременно покрываясь распускающимися огненными цветами, устремился вперёд, сквозь темноту, петляя между чёрными стволами деревьев, как бы приглашая людей, следовать за собой.

Мгновенно сообразив, что к чему, не сговариваясь, Такехико с одной стороны, а Сузуме по другую сторону отростка, бросились вслед за убегающим вперёд, огненным ростком, который ни на секунду не прекращал своего роста.

Благодаря огненным цветам, люди хорошо видели куда бежали, а потому не останавливались и не оборачивались, и не видели того что случилось позади них, там, где остался корень огненного растения, названия которому ни Сузуме ни Такехико не знали.

А случилось там следующее: неведомое существо, обликом своим схожее с полупрозрачной бесформенной тенью, буквально как ураган, обрушилось откуда-то сверху прямо на огненный шар, пытаясь одним махом смять его, раздавить, погасить, уничтожить.

Разыгравшаяся битва зловещей темноты и яркого света, началась в полной тишине, которая сразу же и нарушилась яростным шипением, словно на горячие угли попала вода. И чем сильнее было столкновение темноты и света, тем громче было слышно грозное шипенье, возникавшее как раз в тот самый момент, когда чёрная Тень, будто большое трепещущее покрывало, пыталось укрыть собою огненный шар. И каждый раз, потоки яркого света, словно про-резали чёрную Тень, кромсая её, разрывая на части, прорываясь сквозь неё наружу, озаряя ярким светом испуганный чёрный лес, в который, собрав остатки своей потрёпанной плоти, отступала темнота, чтобы там опять разрастись, и, обретя новые силы, вновь кинуться в бой.

А люди тем временем убегали всё дальше и дальше, даже не подозревая, что от исхода происходящей в чёрном лесу битвы, от того кто победит, Тень или волшебное растение, зависит и их жизнь.

– Что это за звук позади нас? – крикнул Сузуме, услышав отзвуки сражения, продолжая бежать по лесу вдоль огненного ростка.

– Нам лучше этого не знать, и что бы это ни было, вернее всего с нашей стороны, будет сейчас бежать без остановки, пока есть возможность, пока не кончится чёрный лес, – прокричал в ответ Такехико, бежавший по другую сторону огненного ростка, вершина которого была где-то далеко впереди, всё ещё произрастая в длину, стремясь скорее вырваться из этого страшного леса.

Сколько времени продолжалась битва, продолжалось бегство, теперь уже никто не скажет, но только каким бы отчаянным и сильным ни было сопротивление огненного растения, Тень изрядно устав, всё же победила, и, сломив волшебный свет, погрузила лес во мрак.

Но оставался ещё огненный росток, который жил теперь своей жизнью и который вёл людей за собой вперёд из чёрного леса, туда, где была живая природа, где светило солнце, где была жизнь.

Поняв это, Тень собралась с силами, поднялась над ростком и бросилась в погоню за людьми, но, не пролетев и десятка метров, наткнулась на новый огненный шар, который ежесекундно увеличиваясь в размере, преграждая ей дальнейший путь, заставил её тем самым, вновь вступить в борьбу с ним.

Не раздумывая, ни секунды, Тень бросилась в самый центр огненного растения, чтобы не дать тому возможности вырасти, и, воспользовавшись его малыми размерами, расправиться с ним в один присест. Словно взрыв чего-то чёрного, пронзило изнутри огненное волшебное растение, вырываясь из него тёмными лоскутами, гася распускающиеся, излучающие яркий свет цветы, разбрасывая во все стороны его листья, разрывая его старые побеги, и поглощая, окутывая собой новые.

Очередная победа чёрной силы над волшебным растением, была лёгкой и быстрой, после чего Тень возобновила свою погоню за Такехико и Сузуме.

Только на этот раз она бросилась вслед за людьми, одновременно терзая огненный росток, срывая с него испускавшие свет цветы, втаптывая их в чёрную землю, окуная стоявшие рядом деревья в непроглядную тьму.

И кто знает, как бы скоро Тень смогла бы настичь людей, если бы от огненного ростка не отошли ещё четыре таких же, полыхающих ярко-жёлтыми цветами отростка, разбежавшиеся в разные стороны чёрного леса, извивающимися в крошечной тьме, петляющими между деревьями, светящимися дорожками.

Наткнувшись на развилку пяти светящихся дорог, Тень пришла в неописуемый гнев, молниеносно выказав его на волшебном растении, тем, что стала ещё яростнее топтать и рвать распускающиеся цветы.

Когда вспышка гнева утихла, Тень, приняв решение, пуститься по одной из пяти дорог, полетела вперёд, выбрав росток, уходивший прямо от неё.

Как и прежде, Тень продолжала на своём пути уничтожать огненный росток, вымещая на нём не только свой гнев, но и обиду за то, что какое-то растение, пусть даже и волшебное, позволяет себе так поступать с ней, властительницей здешнего леса.

– Не обошлось здесь без Кабоку, – раздавались сквозь шипение слова на человеческом языке, изречаемые Тенью, повторяющиеся вновь и вновь, каждый раз, когда она, сорвав очередной букет огненных цветов, втаптывала его в землю, размахивая при этом во все стороны своим плащом, который буквально истлевал, на ней, превращаясь в лохмотья, благодаря волшебному свету.

И пока Тень боролась с огненными цветами, люди продолжали бежать и бежать, без оглядки, без остановок на передышку, надеясь успеть покинуть этот страшный чёрный лес, раньше, чем их настигнет неведомая злая сила, пытавшаяся, как они думали, слыша отзвуки яростной борьбы, во что бы то ни стало, любой ценой, догнать их.

И опасения Такехико и Сузуме были не напрасными, поскольку воспользовавшись колдовскими чарами, Тень начала крушить огненный росток во много раз быстрее, благодаря чему уничтожив тот отросток по которому следовала и не найдя там людей, бросилась обратно к развилке, пользуясь, чтобы не сбиться с пути, следами оставшимися после сражения.

Достигнув развилки, Тень не стала спешить, а опять же прибегнув к новому заклинанию, определила, какой отросток ведёт за собой людей, и сразу же за тем бросилась по нему в погоню, одновременно сокрушая огненные цветы, и ругая себя за то, что сразу не воспользовалась колдовством, чтобы узнать верный путь.

Теперь отзвуки яростной борьбы злой Тени с огненным волшебным растением, были слышны гораздо громче и отчётливее, и уже не где-то в стороне, а именно позади людей, от чего их спины, и без того мокрые, покрылись новым холодным потом, а сердца начали биться ещё быстрее, словно хотели прорвав живую плоть, вырваться из груди.

И вот уже когда впереди за деревьями, сквозь темноту леса, забрезжил долгожданный просвет, люди слышали за своими спинами, нарастающее грозное шипение прерывавшееся угрозами расправиться с ними, если они не остановятся.

На секунду обернувшись, но, не останавливаясь в беге, Такехико увидел совсем не далеко, позади себя огненный шар, состоявший из волшебного растения, который разрастался прямо на глазах, поднимаясь почти до самых вершин чёрных деревьев, увеличиваясь в ширину, становясь непроходимой стеной для того, кто преследовал людей.

Поняв, что теперь в одиночку, быстро расправиться с волшебным растением такого размера, не упустив людей, уже нет никакой возможности, Дааку, демон и властитель Чёрного леса, из тени воплотился в своё обличье, после чего, воспользовавшись колдовством, призвал на помощь верного своего слугу, великана Оокина.

Громко топая ногами, сотрясая землю на каждом своём шагу, ломая деревья там, где не мог без этого пройти, великан Оокина явился к своему господину в какие-то две-три минуты, даже не запыхавшись и получив от него приказ, затоптать волшебное растение, немедленно кинулся исполнять волю повелителя.

Размышлять великан Оокина не привык, считая, что если господин даёт ему указание, то единственно правильным решением для него, будет беспрекословно и как можно быстрее выполнить его, благодаря чему заслужил полное доверие от своего повелителя.

И именно поэтому, задевая головой обвисшие ветви не очень высоких деревьев, размахивая руками для равновесия, чтобы не упасть, великан Оокина топтал своими массивными ступнями ярко-жёлтые цветы, продолжавшие разрастаться, в то время как его господин, повелитель и властитель Чёрного леса, демон Дааку, с силой прорвавшись сквозь огненную стену волшебного растения, вновь бросился в погоню за людьми, представляя теперь для них смертельную опасность.

Но на счастье Такехико и Сузуме, время было выиграно, и догнать их демон Дааку, раньше, чем они выскочили из Чёрного леса, не успел, а потому они беспрепятственно покинув его владения, побежали через широкое поле, вслед за огненным растением, ведущим их через небольшие заросли дикого шиповника в сторону зелёного леса.

Прекратив погоню, демон Дааку, опасаясь открытого яркого солнечного света, остановился под чёрными деревьями, злобно глядя на убежавших от него по широкому полю людей.

И если бы Сузуме сейчас обернулся, то снова бы увидел между чёрными деревьями, как тогда в лесу, те самые злые глаза, пронзительные, чёрные глаза, со вспыхивающими искорками огня ненависти в зрачках, не сводящих с него и его друга, своего злого жестокого взгляда.

Глава 16. Снова в обычном лесу

– Я себе просто поверить не могу, что мы всё-таки спаслись из проклятого страшного леса, – сказал Сузуме, опускаясь на мягкую траву, после того как он и Такехико пробежав через поле, оказались под зелёными стволами молодого бамбука, где огненный росток остановился, ярко вспыхнул и тут же исчез не оставив и следа.

– И спасибо волшебному растению, которое спасло нас, выведя из чёрного леса, где я думаю, мы бы остались навсегда, не будь этого подарка от колдуна Кабоку, – произнёс Такехико, присаживаясь на траву, рядом с Сузуме.

– Мне кажется, колдун Кабоку знал про страшный чёрный лес, иначе как объяснить волшебное действие светящегося растения, – развёл руками Сузуме, посмотрев на Такехико.

– Я тоже об этом подумал, – ответил Такехико, не глядя на своего друга. – И всё равно остаётся одна странность: «если Кабоку знал или предполагал что с нами может такое случиться, почему не предупредил?»

– А если это было нашим испытанием? – предположил Сузуме.

– Ну, разве что так, – сразу же согласился Такехико. – Вот только мне не понятно как получилось, что наша обратная дорога из чёрного леса оказалась во много раз длиннее той, которая нас завела в него?

– Спросим про это у колдуна Кабоку, когда вернёмся, – усмехнулся Сузуме, закрывая глаза и принимая непринуждённую, удобную позу, чтобы хорошенько отдохнуть перед дальнейшей дорогой.

Нервное потрясение сознания и чудовищная усталость всего тела, помогли Сузуме заснуть почти мгновенно.

Взглянув на быстро задремавшего Сузуме, но продолжавшего ещё беззвучно шевелить губами, Такехико последовал примеру своего друга, завалившись в полный рост на мягкую траву, глядя в небо:

– Полчаса на отдых, потом идём дальше, чтобы к вечеру, до наступления темноты, успеть добраться до какой-нибудь деревни.

Ответа не последовало. Коротко взглянув на Сузуме и убедившись, что он уже крепко спит, и на этот раз действительно просто спит, Такехико закрыв глаза, представил себе родную деревню, родной дом, свою семью, сестру Сайюри, и не заметил, как тоже заснул.

Проснулся же Такехико оттого, что его откинута в сторону рука, вдруг ощутила прохладу, и как ему показалось ещё сквозь сон, мокрую прохладу, от чего он открыл глаза и мгновенно понял, что попал рукой в воду.

– Откуда здесь могла взяться вода, когда на небе ни облачка, – прошептал Такехико, глядя на голубое небо, и тут же занеся над собой свою руку, почувствовал, как ему на лицо капнуло несколько капелек воды, из-за чего он сразу же окончательно проснулся и приподнялся, чтобы оглядеться.

Улыбка появилась на сонном лице Такехико; мимо него и его друга Сузуме, сделав изгиб в их сторону, протекал знакомый лесной ручей повелителя Симидзу.

– Спасибо тебе Симидзу, за то, что разбудил меня, – сказал Такехико, слегка коснувшись рукой, прохладной поверхности лесного ручья.

Почти бесшумно плеснув волнами в ответ, так что на нём заиграли золотистые блики от падавших на него солнечных лучей, лесной ручей, повернув свой прозрачный поток, укатился в гущу зарослей молодого бамбука, оставляя за собой маленькие капельки воды на траве.

– Сузуме, пора вставать! – поднимаясь на ноги, окрикнул Такехико своего спящего друга.

– Честное слово, ещё бы совсем немножечко поспать, – промямлил Сузуме, зевая, и не открывая глаз, оставаясь лежать на прежнем месте.

– В деревне потом отоспишься, если медлить не будешь, и мы ещё до наступления темноты, успеем прийти в неё, а то, как бы нам в этом лесу ночевать не пришлось.

Слова о возможном ночлеге в лесу, подействовали на Сузуме должным образом, от чего он сразу же открыв глаза, посмотрел на Такехико, который стоял перед ним, протягивая ему бурдюк с водой.

– Промочи горло перед дорогой.

Сузуме молча, встал, взял бурдюк, и, сделав несколько глотков, вернул его обратно Такехико.

– Дело идёт к вечеру, поэтому остановок в пути делать не будем, во всяком случае, пока не выйдем из леса, – сказал Такехико, направляясь через бамбуковые заросли, засовывая бурдюк в дорожную суму, прямо на ходу.

– Ты уже определился с направлением? – спросил Сузуме, последовав за Такехико.

– Оно прежнее, а вот если тебе ещё интересно знать насчёт того, как я буду его придерживаться, то на этот раз, солнце будет нашим верным помощником, – ответил Такехико, махнув рукой на небо, продолжая идти сквозь заросли молодого бамбука.

– Звучит, обнадеживая, – улыбаясь, произнёс Сузуме, посмотрев на солнце.

Далее, пройдя бамбуковые заросли, путники вышли на просёлочную дорогу, идущую сквозь лес, и выходящую из него, прямо к деревне, где они, оказавшись под вечер, познакомившись наугад с одним из местных жителей, испросили у него постоя на ночлег в приближающуюся ночь.

Глава 17. Демон Дааку и его слуга великан Оокина

Начиная сейчас новую главу, чтобы рассказать о том, что делал демон Дааку после бегства людей из его Чёрного леса, я немного вернусь во времени назад, на тот самый момент, когда Такехико и Сузуме остановились на отдых, в обычном, зелёном лесу.

– Тебе незачем и главное не в чем себя винить, – сказал демон Дааку, обращаясь к своему слуге, великану Оокина, когда тот появился на окраине Чёрного леса, извиняясь перед ним за непростительное опоздание.

Признание господином своей вины, смутило великана Оокина, который и так уже пребывая в глубоком расстройстве, стоял, опустив голову вниз.

Спорить со своим любимым господином он не мог, а потому был вынужден покорно слушать речь демона Дааку, не смея, как бы ему сейчас хотелось, взять всю вину на себя.

– Это я упустил людей, в то время как ты столь героически сражался с этим волшебным растением и к тому же победил его, целиком и полностью оправдав моё доверие, – продолжил демон Дааку своё обращение к верному слуге.

Оокина молча, кивнул головой в знак согласия, пряча расстроенный взгляд от своего господина.

– У нас я думаю, ещё будет возможность поквитаться с этими людьми, за то, что они без спроса вошли в наш лес, заметь, не мой, а наш!

Великан Оокина растерянно поднял свои тёмно-серые глаза на демона Дааку, и слабое подобие улыбки, едва скользнуло на его пухлых губах.

– Нам надо только запастись необходимым терпением, и понять, что время всегда становится быстротечнее, когда не так часто думаешь о том, чего желаешь больше всего.

Философские речи были не по части великана Оокина, и поэтому, хорошо зная посредственные умственные способности верного слуги, демон Дааку, дабы далее не озадачивать его ненужными для него словами, перевёл разговор на более понятный тому язык и подходящую ему тему.

– Сегодня у нас больше не будет никаких других дел, и мы можем, ни о чём не думая, устроив себе хороший отдых, спокойно предаться столь любимому нами занятию, как чревоугодие. Что ты, к примеру, скажешь, если нам, среди прочего разнообразного множества блюд, в качестве главного угощения нашего стола в этот вечер, повара подадут на него жареных кабанов под соевым соусом с фасолью?

– Я просто до глубины своей души не знаю, что может быть лучше жареных кабанов под соевым соусом, да ещё с фасолью? – растопырив крепкие, цепкие пальцы, развёл руками великан Оокина, сияя улыбкой до самых ушей, обнажив большие белые зубы.

– Тогда во дворец Туюсимбу! – воскликнул демон Дааку, и, сделав обеими руками магические пассы, исчез, переместившись к главным воротам своего дворца, куда буквально через пару минут, прибыл и великан Оокина, и как прежде, даже не запыхавшись, сияя улыбкой в предвкушении славного застолья.

– Проходи в столовую, Оокина, – сказал демон Дааку, первым заходя во дворец. – Повара уже начали готовить наш ужин.

Не сказать, что демон Дааку так уж сильно, вплоть до безграничности обожал великана Оокина, как своего верного слугу, но что остаётся несомненным и бесспорным, души в нём за его смелость и исполнительность, не чаял точно, а потому иногда и обращался к нему столь вольно, почти по-отечески, называя в таких случаях по имени.

И было с чего демону Дааку, так предрасполагаться к нему, сильно выделяя его среди всех остальных своих слуг.

Как уже было сказано, великан Оокина не любил долго думать над приказами своего господина и повелителя демона Дааку, поскольку всегда и везде главным образом стремился угодить ему, выполняя всё, что он ему прикажет безоговорочно и по возможности быстро.

И дело тут было вовсе не в каком-либо страхе перед гневом своего господина, проявлявшегося им в неимоверной жестокости по части физического и морального наказания любого провинившегося, в применении которого, демон Дааку являлся отменным виртуозом, в чём сказывался многолетний опыт, а просто до банальности в нерушимой верности и соответствующего тому фанатизма, в службе на хозяина.

Вот именно поэтому, демон Дааку, тёмный не цветом лица, а характером своим, до глубины своей души, проживавший в самом центре Чёрного леса в довольно просторном каменном дворце Туюсимбу, который получил своё название за то, что к нему приводят все дороги в его лесу, был так предрасположен к великану Оокина, словно любящий отец к своему чаду.

В остальном хозяин Чёрного леса был обычным злым демоном, по внешности немного схожий с человеком, но больше похожий на оборотня, сущность которого сводилась к тривиальной ненависти, направленной против всех не относившихся к его близкому окружению и в первую очередь на людей.

И мера этой ненависти была настолько неизмерима, что вышеупомянутый колдун Идзивару, некогда, чисто случайно оказавшийся в этом Чёрном лесу, по воле совсем непредвиденных для него обстоятельств, смог лично познакомиться с демоном Дааку, повстречавшись с ним с глазу на глаз, благодаря чему узнал от него о себе такое, что запомнил эту встречу на всю оставшуюся жизнь.

А что касается демона Дааку, то он даже и думать забыл о старом злом колдуне, раз тот, покидая его владения, ни единым словом не обмолвился каким-либо обещанием к нему когда-нибудь ещё вернуться.

Виновником поспешного отступления, оказался вызванный к месту встречи двух магистров злого дела, великан Оокина, который всем своим видом, а так же незабываемой, грубой манерой обращения с неугодными его господину личностями и уж тем более, совсем ненужными незнакомцами, помог колдуну Идзивару довольно быстро разобраться во всех нюансах полученных ответов на уже озвученные вопросы.

Разумеется, будь великан Оокина сейчас перед колдуном Идзивару один на один, ему бы досталось от старого колдуна, но беда последнего была как раз в том, что за спиной великана, находился его бессмертный господин.

Таким образом, не подавая виду, но затаив в глубине души огромную обиду, колдун Идзивару, чтобы не раздувать раньше времени ненужного конфликта, задерживаться во владениях демона Дааку не счёл нужным, а потому, не нарушая собственного величия, благо в этом ему никто не мешал, покинул Чёрный лес, оставив его хозяина наедине со своим верным телохранителем, великаном Оокина. Главной же причиной поспешного отступления колдуна Идзивару, стало хорошо ему известное бессмертие демона Дааку, для преодоления которого нужно было знать особый секрет хозяина Чёрного леса, чего до сих пор никому из колдунов не довелось постичь.

Дальше я думаю, будет правильным, чтобы продолжить повествование, закончить эту главу следующими предложениями: «Пир состоялся. Кабаны, а было их подано на угощение пировавших немало, как водится у заправских едоков, были съедены все до единого, и демон Дааку, оставив своего верного слугу великана Оокина отдыхать после сытного ужина прямо возле стола, отправился бродить по дворцу в полном одиночестве. Так ему всегда лучше думалось, особенно когда он, прислушиваясь в тишине к отзвуку собственных шагов по мраморному полу, неспешно следовал из одного зала в другой, созерцая убранство своего дворца, тем более что думать, было о чём, о прошедшем дне и тех людях, что сегодня сбежали от него».

Глава 18. Странный незнакомец

На следующее утро, горячо поблагодарив гостеприимного хозяина за предоставленный ночлег, Такехико и Сузуме отправились к деревенскому базару пополнять запасы провизии.

Как только всё самое необходимое было закуплено, друзья, не тратя времени понапрасну, проследовав через всю деревню в прежнем южном направлении, вышли на узкую просёлочную дорогу, петлявшую в поле между редкими кустами, вплоть до берёзового перелеска, пройдя который, они должны были бы выйти к Синей реке. А там уже шагая вдоль неё, они непременно попали бы прямо к Драконьему озеру, являвшемуся местом обитания дракона Тацу.

И чтобы дорога была не такой скучной, друзья затеяли между собой разговор, за которым весьма быстро добрались до берёзового перелеска.

– Мы ещё далеко от озера, а меня уже до боли в душе, интересует, какой она будет, наша встреча с его обитателем? – без особого интереса оглядывая берёзы, мимо которых проходил их путь, спросил Сузуме, обращая свой вопрос не то к самому себе, не то к шагавшему рядом с ним своему другу Такехико. – Никогда раньше в своей жизни не видел настоящего живого дракона.

И поскольку рядом был только Такехико, то он ему и ответил:

– Наш путь до озера, указан колдуном Доубуцу, и поэтому, какой бы эта встреча ни была, нам надо побывать там, а вот дальше мы пойдём, уже основываясь лишь на том, что узнаем от дракона Тацу. И к слову сказать, я тоже впервые в своей жизни, увижу настоящего дракона.

Немного помолчав, Такехико добавил:

– А вот если мы не увидим его, или он не пожелает с нами говорить, то будем вынуждены искать дальнейшую дорогу сами, и только тогда сможем решать куда идти или не идти.

– Если озеро большое, то, как мы найдём дракона Тацу? – вздохнул Сузуме.

– Колдун Доубуцу сказал мне, что дракон Тацу живёт почти рядом с истоком Синей реки.

– Скорее бы стереть все неясности, чтобы лучше представлять себе своё, пускай недалёкое будущее, – вздохнул Сузуме.

– В этом я с тобой полностью согласен, – кивнув головой, сказал Такехико.

– Жаль только что на смену одним неясностям, потом всё равно придут другие, и опять придётся начинать всё сначала, – снова вздохнул Сузуме. – Вот если бы иметь возможность их избегать, не сталкиваясь с ними вообще, ну или хотя бы встречать их только иногда.

– Нет ничего проще, раздался мягкий незнакомый голос откуда-то спереди из-за деревьев.

Такехико и Сузуме остановились, посмотрели вперёд, и никого там не увидев, настороженно огляделись по сторонам, где также никого не заметив, молча, переглянулись между собой.

– Может нам почудилось, – тихо спросил Сузуме глядя по сторонам.

– И тебе и мне сразу? – удивился Такехико, взглянув на друга.

Сузуме повернув голову к нему, пожал плечами.

– Кто здесь? – громко окликнул Такехико, изучая глазами ближайшие кусты и деревья.

– Тот, кто легко и в любое время, может решить вашу проблему с любыми неясностями, – ответил прежний голос, но на этот раз уже с правой стороны и опять оставшись невидимым для людей.

– Пока мы не видим вас, вы сами являетесь для нас большой неясностью! – прежним громким голосом крикнул Такехико, пристально изучая, окружавшие их деревья и кусты, в попытке увидеть незнакомца.

– В самом деле, как это я об этом не подумал, – воскликнул незнакомец, неожиданно появившись за большим кустом дикого шиповника, откуда почти сразу же предстал перед людьми, выйдя к ним из-за него.

– Меня зовут Омотэ, – кланяясь, представился незнакомец, придерживая одной рукой полы длинного плаща из темно-зелёной ткани, в который было закутано его тело.

– Я Сузуме, а моего друга зовут Такехико, – воскликнул Сузуме, оглядывая Омотэ, и радуясь тому, что тот оказался человеком.

– Вы, наверное, колдун? – спросил Такехико, обращаясь к Омотэ.

– Так самую малость, и буквально для своих, самых житейских потребностей, – непринуждённо жестикулируя руками, ответил Омотэ, опасаясь насторожить людей тем, что владеет магией в полной мере.

– И куда же вы держите путь? – спросил Сузуме, глядя Омотэ прямо в глаза.

Сузуме сейчас было не только интересно расспрашивать незнакомца, ему вдобавок ко всему, хотелось лично самому всё узнать, поскольку с самого начала нынешнего путешествия, всегда и везде говорил Такехико, а он просто молча стоял в стороне, не вмешиваясь в разговор.

Тогда ему никто не запрещал говорить. Он сам догадывался о том, что его голос будет лишним. Теперь же ситуация и для него и для его друга Такехико была равной, а поэтому он не счёл нужным молчать.

– К озеру, так называемому Драконьему, чтобы провести своего давнего друга, дракона Тацу, – ответил Омотэ.

– И мы следуем туда же, – обрадовался Сузуме, решив не упоминать о том, что и они идут к дракону Тацу.

– В таком случае, нам незачем терять время, и если вы не возражаете, мы можем продолжить наш путь к озеру вместе, – предложил Омотэ, взглянув на Такехико.

– Возражений нет, – согласно кивнув головой, ответил Такехико и, первым шагнув в сторону реки, добавил, – в свою очередь мы даже не можем сказать, что знакомы с драконом Тацу, не говоря уже о дружбе с ним.

– Это пустяки, потому что дракон Тацу весьма дружелюбен и обожает новые знакомства, – сказал Омотэ, последовав за Такехико, почти сразу, от чего поравнялся с ним шагов за пять.

Сузуме оказав любезность Омотэ в том, что пропустил его вперёд себя, попал тем самым в арьергард.

– А что вас ведёт к озеру, позвольте узнать? – спросил Омотэ, и так уже осведомлённый о цели их путешествия, благодаря своим колдовским способностям, и задавший этот вопрос сейчас, лишь для продолжения начатой беседы.

– Мы занимаемся рыбной ловлей, зарабатывая себе этим на жизнь, и хотели узнать, как много рыбы в Драконьем озере, – соврал Такехико, посчитав лучшим, утаить истину.

– Рыбы там много, но рыбаки почти не появляются на озере, опасаясь дракона Тацу, – сказал Омотэ, поняв, что его обманывают, но виду этому не подал. – Никто из них не знает, что дракон добрый, а потому все предпочитают ловить её на реке, вытекающей из Драконьего озера, и мне кажется, они поступают правильно, потому что в ней количество рыбы должно быть никак не меньше.

– О том, что рыбаки опасаются появляться на озере, мы знаем, и поэтому думаем, что если суметь договориться с драконом Тацу, то можно будет добывать рыбу и там, где она как я слышал, гораздо крупнее по своим размерам, чем в реке, – продолжая свою игру, сказал Такехико, не имея никакого понятия ни о количестве рыбы в Драконьем озере, ни уж тем более о её размерах, говоря сейчас, что называется наобум.

– Я уже говорил, Тацу любит новые знакомства, – поддержал Омотэ, тему разговора, продолжая тщательно скрывать в себе, что терзается от обмана, преподносимого ему Такехико.

Что касалось Сузуме, то он всё так же следуя позади своего друга и странного незнакомца, в одночасье, расставшись с желанием задавать вопросы, отдал предпочтение хранить полнейшее молчание, из опасения собственной болтливости, которая могла теперь оказать ему скверную службу тем, что он нарушит планы Такехико, скрывшего от Омотэ истинную цель их визита на Драконье озеро.

И вообще чтобы ненароком, не встрять в их беседу, старался просто не обращать на них своего внимания, размышляя про себя о том, что видит вокруг.

Единственную вещь, которую он себе позволил, так это подумать о своём друге:

«Раз Такехико не хочет говорить правду, любопытному Омотэ, то пусть сам и объясняется с ним».

А между тем, продолжая вести дружескую беседу с Такехико, Омотэ уже начал подумывать о том, как бы ему проучить двух его новых знакомых, в отместку за обман. И хоть виновником сего был один Такехико, часть вины, по мнению Омотэ, возлагалась и на Сузуме, так сказать, за умышленное молчание.

– Вы я так понимаю из этих мест? – преподнёс коварный вопрос Омотэ, взглянув на Такехико, чтобы увидеть его реакцию.

– Да, мы из деревни, что находится недалеко от реки, – не моргнув глазом, соврал Такехико и, сохраняя внешнее спокойствие, всё же подумал о том, что не стоит наверно так много обманывать Омотэ.

«А вот сейчас мы это и проверим», – в свою очередь подумал Омотэ в ответ на слова Такехико, и, не подавая виду о своих замыслах, спросил его, – так говорите вы из этих мест? Значит, вы тогда покажете мне дорогу к висячему мосту над рекой, а то я был здесь давно и успел её позабыть.

– Мы можем пройти и вдоль реки к озеру, – ответил Такехико, ускользая от словесной ловушки, преподнесённой ему хитроумным Омотэ.

– Но на этой стороне, если мне не изменяет память, о чём вы, вероятно, позабыли, озеро окружено высокими скалами, которые ещё называют Скалистыми горами, и попасть на его берег можно будет, лишь обойдя все горы, а это больше одного дня пути. Поэтому всегда, все люди, если они не плывут по реке на лодке, идут через висячий мост, на левый берег реки, чтобы прийти к озеру, где оно лежит возле леса.

– К сожалению, мы не знаем, где точно расположен висячий мост, потому что всегда отправляясь к истоку реки, плыли по ней на лодке, и не запоминали места, где можно перейти на другой берег, – сказал Такехико, ловко выскочив из затруднительной ситуации с ответом.

– Тогда хотя бы примерно, может, знаете? – спросил Омотэ, внутренне радуясь ещё одному придуманному, новому коварному вопросу.

– Дойдём сначала до реки, а там что-нибудь придумаем или, в крайнем случае, спросим у кого-нибудь, – ответил Такехико, радуя Сузуме, своей находчивостью, и в очередной раз, озадачивая Омотэ тем, что ускользает от специально сформулированного вопроса, которым тот хотел уличить его во лжи.

Я чуть ранее сказал, что Сузуме старался не слушать беседу своего друга с Омотэ, и всё же нет-нет, а смысл их слов проникал в его сознание, заставляя хотя бы немного быть её молчаливым участником.

– И в самом деле, вы правы, потому что на реке всегда полно рыбацких лодок и мы прекрасно сможем узнать где находится висячий мост, у старых рыбаков, которые в отличие от молодых, наверняка укажут нам дорогу, – выговорил Омотэ, терзаясь ещё больше, от того что в очередной раз не разоблачил Такехико.

Однако, как и прежде, ни капли, не подавая виду в том, что его это тревожит, шёл рядом с людьми, сияя улыбкой.

– А вот и река, – сказал Такехико, увидев сквозь деревья, сверкающую в лучах солнца, водную поверхность, когда они, поднявшись на небольшое возвышение, оказались в нескольких десятках шагов от неё.

Но каково же было разочарование Такехико и Сузуме, когда они, миновав перелесок, и оказавшись на открытом месте, увидели впереди, перед собой, вместо спокойной реки с плавающими на ней рыбацкими лодками, только пустой, бурный, водный поток.

И только Омотэ остался невозмутимым, поскольку отсутствие рыбацких лодок было вызвано сильным речным потоком, создателем которого он и являлся.

– Право же, не понимаю, куда могли подеваться все рыбаки, – состроив удивление на своём лице, произнёс Омотэ, оглядывая бурный водный поток.

К радости Омотэ, Такехико и Сузуме молча и растерянно, смотрели на пенящиеся водовороты, так как видели эту реку впервые и не знали, что обыкновенно она спокойная и воды свои несёт тихо, не нарушая водной глади всевозможными бурунами, которыми теперь была вся испещрена.

И уж тем более, откуда им было знать, что ещё несколько минут назад, здесь, на этом самом месте, рыбацких лодок было много, и все они были просто-напросто снесены внезапно возникшим, сильным течением, против которого рыбаки не стали бороться, так как были напуганы его появлением, несвойственным этой реке.

– Да уж, и спросить-то теперь не у кого, – продолжая наигрывать своё удивление, проговорил Омотэ, глядя на замешательство Такехико и Сузуме.

– Остаётся идти вдоль реки! – воскликнул Сузуме, столь долго хранивший своё безмолвие и просто не сумевший в данной ситуации смолчать.

– Само собой, но в какую сторону, ведь нам нужен мост? – спросил Омотэ, глядя на Сузуме, который после заданного ему вопроса, повернулся к Такехико в надежде услышать ответ из уст своего друга.

– А не прибегнуть ли нашему новому знакомому к своему, как он говорил житейскому колдовству, – предложил Такехико, глядя в лицо Омотэ. – Может ответ насчёт подвесного моста, тогда и найдётся благодаря магии.

– К сожалению, я здесь бессилен, и не могу узнать, в какой стороне находится подвесной мост, поскольку его охраняет своим колдовством, более сильным, нежели моё, хозяин реки, – экспромтом выпалил Омотэ, разведя руками, одновременно не забыв изобразить на лице полное, искреннее расстройство.

– А если призвать хозяина реки, и затем попросить его указать нам направление? – спросил Сузуме.

– Он не станет нам помогать из чувства мести, потому что я с ним давно уже в ссоре, – соврав, ответил Омотэ.

– Тогда нам нужно только позвать сюда хозяина реки, а дальше можно будет его обмануть, сказав, к примеру, что некто хочет разрушить подвесной мост, – сказал Сузуме.

– И что это нам даст? – спросил Такехико, глядя на Сузуме.

– Посмотрим, в какую сторону он направится, – ответил Сузуме, довольный своей сообразительностью.

– А призвать сюда к нам, с помощью колдовства, хозяина здешней реки, хватит сил? – спросил Такехико, глядя в лицо Омотэ. – Или будем искать иной способ как его найти?

– Я конечно могу попробовать, но боюсь и это мне не под силу, и более того есть опасность, что мы потом вообще не сможем перейти через мост, если я воспользуюсь магией в данном случае, уж больно могущественен хозяин реки, – продолжая разыгрывать свой спектакль, ответил Омотэ.

– В таком случае наколдуйте подвесной мост, а там, или мы через него перейдём на ту сторону или же явившемуся хозяину реки мы скажем, что сделали его взамен старого моста,

который кто-то сегодня собрался разрушить, – предложил новый вариант выхода из создавшегося положения Сузуме. – Даже если хозяин реки и сломает наш мост, он всё равно, как я уже говорил, сразу же бросится в сторону настоящего подвесного моста, невольно указав тем самым для нас, нужное направление.

Такого поворота событий, колдун Омотэ не ожидал, а потому обескуражено посмотрел на людей, пытаясь найти слова для возражения.

И не найдя их, ничего не произнеся, просто исчез, а вслед за этим, бурная река вдруг прекратила шуметь водоворотами и бурунами, сменившись на спокойную, тихую колыбель воды.

Но большее изумление на лицах людей вызвал, неожиданно появившийся прямо перед ними, висячий мост, через который они, сначала обследовав его на правдоподобность и прочность, благополучно и перешли на другой берег реки.

Глава 19. Встреча с драконом Тацу

– Выходит, что колдун Омотэ, хотел, нас задержать, и возможно даже сделать так, чтобы мы вообще не добрались до озера, – размышляя вслух, сказал Такехико, когда он и Сузуме, оставив висячий мост позади себя, уже шли к Драконьему озеру.

– Да, но для чего ему это было нужно, мы теперь не знаем, и думаю, стоит быть готовым к тому, что он не только полон коварной враждебности, а ещё и в данное время строит нам свои козни, находясь вдали от нас, – поддержал Сузуме, догадку своего друга, шагая рядом с ним.

– Об этом я тоже сейчас подумал, – кивая головой, согласился Такехико, глядя на дорогу впереди.

– Интересно знать, сколько ещё колдунов и волшебников, попадётся на нашем пути? – спросил Сузуме, оглядывая лес, вдоль которого они шли, следуя берегом Синей реки.

– Я понимаю так, что ты спросил это у самого себя, – ответил Такехико и сразу же добавил, – но ответ у меня для тебя всё равно есть, и, отвечая, с уверенностью могу сказать только одно, что этот колдун Омотэ, был не последним.

– Звучит не утешительно, и остаётся только надеяться, что дракон Тацу доставит нам хлопот поменьше, чем это могло случиться, будь сейчас колдун Омотэ с нами.

– Ты же только что предположил, что он может нам строить свои козни, находясь и вдали от нас! – воскликнул Такехико, взглянув на Сузуме.

– Совершенно верно, но стоит, однако вспомнить, что при его исчезновении, река сразу же стала спокойной, и появился висячий мост.

Такехико сначала задумался, потом спросил:

– К чему ты клонишь?

– Может, его колдовская сила не так уж и велика, раз она исчезла вместе с ним, – выдвинул новое предположение Сузуме, посмотрев на Такехико.

– Твоя догадка вполне вероятна, и очевидно, ему было чего ещё опасаться, раз уж он от нас так поспешно сбежал, – ответил Такехико.

– А колдун Доубуцу тебе ничего про него не говорил? Или хотя бы о встрече с кем-нибудь подобным?

– Нет, такого разговора не было и вообще, колдун Доубуцу сказал мне, что бы пройти все испытания и снять заклятие, нужно проходить их не зная о том, что ждёт впереди. И вся его помощь нам, это весьма краткие сведения про наш путь, касающиеся только того, куда следует идти.

– Иными словами, наш путь без сюрпризов никак не обойдётся.

В ответ Такехико, только молча, пожал плечами.

Дальнейший их путь к Драконьему озеру был спокойным и предельная осторожность, с которой они его прошли, оказалась на этот раз напрасной.

И уже поминая о сюрпризах, с которыми люди были готовы смириться, следует отметить, нашёлся и такой, что вызвал у них большое изумление, а именно, дойдя до истока реки, они увидели, почти у самого Драконьего озера, ещё один, подвесной мост.

Охватившее их новое изумление было не просто большим, каким было, когда они увидели первый мост, сразу же после исчезновения Омотэ.

Теперь Такехико и Сузуме, прежде только догадываясь о том, что их пытались обмануть, окончательно в этом уверились, одновременно остановившись на месте как вкопанные, глядя на равномерно раскачивающееся из стороны в сторону, под действием ветра, бамбуковое сооружение, висевшее, над Синей рекой.

Первым, как и подобает воину, пришёл в себя Такехико:

– Мост, – изрёк он, продолжая смотреть на мерно раскачивающееся под силой ветра, бамбуковое сооружение.

– Если конечно это не проделки колдуна Омотэ, – сказал Сузуме, так же как и Такехико, не сводя взгляда с висячего моста.

– Сдаётся мне, что колдун Омотэ, всё же хотел нас не просто одурачить, а ещё и сбить с пути, – полностью придя в себя, сказал Такехико, снова направившись к озеру.

– А надо спросить о нём у дракона Тацу, если конечно он захочет с нами говорить, – высказал предложение Сузуме, проходя мимо висячего моста, последовав за Такехико.

Последние несколько сотен метров до Драконьего озера, Такехико и Сузуме прошли так же легко, как путь от первого подвесного моста, до второго.

Все переживания и волнения души, дали знать о себе лишь по выходу людей на берег озера, где, не пройдя и десятка шагов, они остановились, устремив свои взоры на его поверхность.

– И как нам теперь следует обратиться к дракону Тацу, чтобы он выплыл наверх? – спросил Такехико, взглянув на Сузуме.

– Кинуть в воду камушек, наверное, – почесав в затылке, сказал Сузуме, и сам же первый нагнулся к земле, чтобы найти подходящий камень.

Но кидать в озеро ничего не пришлось, потому что вода в нём перед людьми, вдруг забурлила, на поверхности пошли круги, и вслед за пузырями воздуха, из глубины озера поднялся дракон Тацу.

С момента начала движения воды и до появления дракона Тацу на поверхности Драконьего озера, ни Такехико, ни Сузуме не шевелились, и только, когда увидели дракона, едва не раскрыв рты, низко ему поклонились.

Сказав сейчас, что люди едва не открыли свои рты, я решил сделать ещё и пояснение к данной ситуации.

Конечно же, и Такехико и Сузуме, что называется, были оба готовы увидеть появление настоящего живого дракона, однако его внешний вид, и особенно яркий озорной блеск больших драконьих глаз, всё же сумели вызвать в людях должное тому удивление, из-за которого собственно они чуть было рты, и не раскрыли.

– Как же долго я вас ждал, дорогие вы мои! – воскликнул дракон Тацу.

Такехико и Сузуме распрямившись после поклона, посмотрели на сияющего от счастья, дракона Тацу, и хотя они никогда раньше в своей жизни не видели драконов, и уж тем более таких счастливых, они всё же поняли, что дракон Тацу им действительно рад и не желает при этом, ничего плохого.

– Простите, я хотел сказать, как долго я ждал, когда смогу улицезреть на берегу своего озера новых гостей, и уж тем более хотел увидеть кого-нибудь из людей, а тут такое счастье, что вы пришли и вас к тому же, сразу двое, – протараторил дракон Тацу, готовый буквально броситься вперёд, чтобы расцеловать Такехико и Сузуме.

– А мы признаться были несколько озадачены тем, что не знали даже, как правильно к вам обратиться, чтобы вызвать вас из глубины Драконьего озера, – проговорил Сузуме.

– Ой, да это же очень просто! – воскликнул дракон Тацу, всплеснув над поверхностью озера, своими передними лапами. – Могли бы не задумываясь кинуть в воду камушек, и я бы сразу услышал вас.

– Честно говоря, мы так и собирались поступить, точнее, сказать я собирался, – чуть смущаясь своего признания, сказал Сузуме.

– Выходит я, почувствовал ваше появление раньше, чем вы догадались, каким образом меня можно позвать! – смеясь, воскликнул дракон Тацу, и в порыве радости так сильно шлёпнул своим хвостом по воде, что поднял фонтан брызг, по счастью не долетевших до людей на берегу.

– Ах, извините, – опомнился дракон Тацу, обратив внимание на то, что часть брызг, упала к ногам людей. – От радости, что вас вижу, я сам не свой, и делаю, не пойми что. И даже позабыл спросить у вас, чем могу быть вам полезен?

– Нам хотелось бы узнать у вас, что вам известно про колдунью Акаи и где её можно найти? – спросил Такехико.

– Я уж и думать давно забыл об этой вредной особе, как вдруг вам она понадобилась, – чуть нахмурился дракон Тацу, и его глаза потускнели, теряя искорку радости.

– Простите нас и если вам неприятно о ней вспоминать и тем более говорить про неё, мы сейчас же уйдём, – поклонившись, произнёс Такехико.

– Нет, нет, не уходите, – выражая растерянность и некую печаль в своих изумрудных глазах, умоляюще обратился к людям дракон Тацу. – Я, конечно же, всё что знаю про эту колдунью, вам расскажу, мне лишь немного неприятно вспоминать про неё, но если вы не в друзья метите к ней, то я постараюсь превозмочь себя, чтобы мой рассказ был полнее. Вы только должны мне сначала во всех подробностях рассказать сейчас, зачем злая колдунья Акаи вам понадобилась.

И Такехико рассказал дракону Тацу всё, и про своё заклятье, и про всё их путешествие, с кем они встречались и где были, и что главная для них цель, колдунья Акаи, сестра злого колдуна Идзивару.

Ни словом не нарушив рассказ Такехико, дракон Тацу внимательно его слушал, внимая каждому сказанному им слову, лишь изредка похлёстывая хвостом по воде, да приходя в волнение, когда упоминались колдунья Акаи, колдун Идзивару, и некто из Чёрного леса.

Сразу по окончании рассказа, Такехико поклонился и спросил дракона Тацу:

– Смеем ли мы, после всего мною сказанного, надеяться на вашу помощь?

– Безусловно, и я не только расскажу вам сейчас, как найти колдунью Акаи, но так же вы ещё узнаете, кто такой хозяин Чёрного леса и кем на самом деле является колдун Омотэ.

– Мы так и подумали, точнее сказать у нас возникло такое чувство, что колдун Омотэ, нам что-то не договаривал и пытался обмануть, правда, это мы поняли только после его исчезновения, – сказал Такехико.

– Вам посчастливилось поставить Омотэ в такое положение, из которого ему не удалось найти быстрого выхода, а это для него, по меньшей мере, камень преткновения, ведь во всех остальных случаях, везде и всегда он сам загонял любого человека в такую же затруднительную ситуацию, забавляясь после этого, полученным результатом, – начал обещанные разъяснения дракон Тацу. – Думать долго над своим ответом для вас, как вы видели, Омотэ не стал, потому что это не в его привычках, потому и решил, потеряв должный интерес к вам, просто сбежать. Его настоящее имя, колдун Хакару. Он не злой, но и не скажешь о нём, что он слишком добрый, по причине того, что всегда и везде, в любой ситуации, ставит превыше всего, пусть хоть маленькую, но всё-таки возможность, кого-нибудь разыграть или одурачить, пускаясь для этого даже на открытый обман. Проще говоря, он обычный шутник, наделённый волшебной силой, использующий её ради собственной забавы.

– Нам он сказал, что владеет колдовством совсем немного, – сказал Сузуме.

– Обычное для него дело, сказать про себя, незнающим его людям, неправду, от чего Хакару и получил второе, крепко прикрепившееся к нему имя Омотэ, от которого он впрочем, и не отказался, а даже наоборот, как в вашем случае, частенько прибегал к нему, – разъяснил дракон Тацу, медленно плавая перед Такехико и Сузуме. – Его умению, колдовать, которое досталось ему от его отца, его матери и даже подверглось прямому вмешательству его деда, могли бы позавидовать многие сильные колдуны, да вот использовалась эта магия не по назначению. Всему виной его детство и тогдашние друзья, привившие ему любовь к розыгрышам и шуткам с которыми он и по сей день не расстанется никогда. Кстати, колдун Хакару, до прилепившейся к нему славы шутника, носил совсем другое имя, о котором теперь даже никто

и не помнит. А нынешнее имя он получил от своих родителей после того как они поняли необычайную любовь своего сына к розыгрышам. Откуда мне всё о нём так хорошо известно, закономерен ли спросите вы? Отвечу, я давно знаком с ним и у нас даже дружеские отношения, хотя друзьями «не разлей вода», мы никак не являемся, однако и большего друга, чем я, из числа живущих вблизи его дома, у него на данный момент нет. Все его друзья детства давно разлетелись кто куда, а новыми при его увлечении розыгрышами, обзавестись трудно. Есть разве что ещё дочь колдуна Доубуцу, с которой Хакару поддерживает дружеское знакомство, да и то они узнали друг друга совсем недавно и говорить сейчас о крепкой дружбе между ними, пока ещё рановато. Больше, пожалуй, о нём сказать нечего, да и не стоит. Лучше, не тратя времени, я вам расскажу о хозяине Чёрного леса демоне Дааку и его верном слуге великане Оокина, которого вы, судя по вашему рассказу, не видели, но замечу, что без него ни одно дело в том лесу, затеянное его хозяином, не обходится. А завершу свой рассказ всем тем, что мне известно про колдунью Акаи, о которой, впрочем, как и о демоне Дааку, я узнал, когда ещё в молодости путешествовал по нашей стране.

Глава 20. Прощание с драконом Тацу и продолжение путешествия

Итак, закончив свой рассказ о великане Оокина, о владельце Чёрного леса демоне Дааку и колдунье Акаи, дракон Тацу опустил голову к самой поверхности воды, борясь в самом себе с нахлынувшими в сознание воспоминаниями.

– Вот из-за того, что мною всегда овладевает грызущая тоска, когда я обращаюсь в своей памяти, к ненужным мне воспоминаниям о людях, с которыми мне больше никогда не хотелось бы встречаться, я не люблю говорить о них, – с грустью в голосе сказал дракон Тацу.

– Ещё раз простите нас, за то, что мы стали виновниками возвращения к вам ненужных воспоминаний, – с поклоном произнёс Такехико.

Сузуме тоже поклонился, но в отличие от своего друга Такехико, сделал это безмолвно.

– Не будем больше грустить, гоните прочь тоску и уныние! – вдруг бодрым голосом, громко воскликнул дракон Тацу, и огонь радости вновь вспыхнул в его глазах, будто ничего печального в нём сейчас и не было. – Может быть, вы проголодались с дороги, и перекусите свежей рыбой, прежде чем настанет час разлуки, за которым вы, отправившись в свой дальнейший путь, оставите меня в моём одиночестве?

– Предложение хорошее, но у нас с собою нет рыбацких снастей, если только пойти в лес и сделать остроги, – ответил Сузуме, соблазнившись на слова дракона Тацу.

– Ничего делать не надо, я вам поймаю столько рыбы, сколько вы пожелаете, – радостно воскликнул дракон Тацу, и тут же скрылся в глубине Драконьего озера.

Но не прошло и одной минуты, как вода перед людьми забурлила и вместе с поднятым фонтаном брызг, на берег упало несколько крупных живых рыб, а следом за ними, на поверхности озера, появился, и дракон Тацу.

Глаза его по-прежнему сияли радостью и озорством.

– Если вам этой рыбы не хватит, я поймаю ещё! – воскликнул дракон Тацу и, опережая ответ людей добавил:

– С вашего позволения, пока вы будете готовить рыбу, мне бы хотелось побыть рядом с вами.

– Этим вы окажете нам честь, – с поклоном произнёс Такехико, в то время как Сузуме бросив свою дорожную суму на каменистый берег, стал оттаскивать трепещущую рыбу, подальше от воды, куда она пыталась удрать, отчаянно извиваясь.

И пока Такехико и Сузуме занимались сбором дров, разведением костра и приготовлением рыбы, дракон Тацу, не умолкая ни на одну минуту, рассказывал им различные истории из своей жизни, не связанные с колдунами и волшебниками.

А когда рыба была приготовлена, люди не только сами отведали её, но и угостили ею дракона Тацу, который придя в восторг от вкуса жареной рыбы, устроил перед Такехико и Сузуме, самое настоящее представление.

Стремительно ныряя в озеро, и столь же быстро выныривая из него, выскакивая из воды высоко в воздух, пуская вокруг себя длинные языки пламени, превращая воду в пар, дракон Тацу, готов был выпрыгнуть из самого себя, чтобы по возможности сильнее поразить воображение людей, своим необычным танцем.

Но как ни прекрасно было на Драконьем озере рядом с драконом Тацу, а людям нужно было поторапливаться дальше в дорогу.

Поэтому когда чудесное представление закончилось, дракон Тацу грустно произнёс:

– Жаль, что время нельзя остановить...

– Это вы из-за того что нам пора уходить? – спросил Сузуме у дракона Тацу и сам сожалея о часе расставания.

– Да, – подтвердил дракон Тацу, склонив голову к воде.

– Нам тоже не хочется с вами расставаться, – сказал Такехико, имея на душе у себя тоже сожаление, как и у его друга Сузуме.

– Но иначе нельзя, – закончил за него дракон Тацу.

– К сожалению, – грустно согласился Сузуме.

– Я не смею вас задерживать и прошу только одного – позвольте мне вас проводить, – испросил дракон Тацу, взглянув на Такехико и Сузуме своими большими изумрудными глазами, в которых сейчас уже не было озорного блеска.

Сузуме взглянув на своего друга, молча кивнул головой и Такехико с поклоном, ответил одновременно и за него и за себя:

– Этим вы окажете нам честь.

Глаза дракона Тацу вновь вспыхнули озорным огоньком.

Так Такехико и Сузуме некоторое время шли в сопровождении дракона Тацу, летавшего над их головами, после чего простившись с гостеприимным обитателем Драконьего озера, проводившем своих гостей до окраины леса, друзья отправились дальше по лесной дороге.

– Никогда не думал, что драконы бывают такими весёлыми, – шагая по лесной дороге, сказал Сузуме, когда дракон Тацу, скрылся из виду за верхушками деревьев.

– Если будем живы, то на обратном пути, можно будет заглянуть на это озеро, чтобы снова увидеть дракона Тацу, – шагая рядом с Сузуме, предложил Такехико.

– Я слышу сейчас в твоём голосе, нотки зарождающегося отчаянного пессимизма, – забеспокоился Сузуме. – Ты уже больше не веришь, что мы благополучно справимся со всеми трудностями и злой магией в нашем походе?

– Ничуть, просто я сказал, что может с нами произойти, а в остальном я твёрдо верю, в положительный исход нашего путешествия, – ответил Такехико и, посмотрев на своего друга, добавил, – честное слово.

Вторая часть

Глава 1. С кем повстречались Такехико и Сузуме вблизи Холодных гор

Дальнейший путь к владениям колдуньи Акаи проходил через лес расположенный вдоль Драконьего озера, и протянувшего от него свои зелёные трущобы, почти до самых Холодных гор, за которыми и была конечная цель наших героев, Жёлтая Долина.

Обо всём этом Такехико узнал от дракона Тацу в коротком секретном разговоре, когда они беседовали вдвоём, с глазу на глаз, возле самой кромки воды, пока его друг Сузуме, находясь поодаль на берегу озера, жарил рыбу на костре.

Теперь же, когда друзья почти пройдя весь лес, приближались к Холодным горам, Такехико позволил себе только в общих чертах обрисовать своему другу, их дальнейший путь.

– Я уже настолько привык в нашем путешествии к разнообразным неприятностям, что даже немного скучаю, когда их нет, – жестикулируя руками, сказал Сузуме, всматриваясь в лесную чащу.

– Этому надо только радоваться, а не скучать, и думать лучше о том, что чем меньше неприятностей, тем больше у нас шансов, добраться до конечной цели.

– И опять слышится отчаяние.

– Скорее всего, благоразумие, что лучше безрассудства.

– Тогда для нас будет лучшим благоразумием, встретить кого-нибудь в этом лесу, чтобы получить большее представление о том в какую сторону правильнее идти.

– Я и сам этого уже захотел, вот только бы знать заранее, кого мы встретим, если доведётся?

– Ты так говоришь, будто у нас есть возможность выбирать! – развёл руками Сузуме, взглянув на Такехико.

– Только в своих мечтах, желаниях, а остальное предоставим нашей судьбе, которая очевидно играет с нами, – ответил Такехико, не глядя на Сузуме.

– А вот мне совсем не с кем играть, – грустно и неожиданно, прозвучал среди деревьев незнакомый голос.

– Кто это? – остановившись, спросил Сузуме, посмотрев на друга.

– Очевидно тот, кого ты хотел встретить, – ответил Такехико, посмотрев на ближайшие заросли молодых деревьев.

– Может оно и так, да только мне игры в прятки, стали в последнее время нравиться несколько меньше, в сравнении с тем, как я их любил раньше, – воскликнул Сузуме, также устремив свой взор на ближайшие деревья в надежде увидеть там обладателя незнакомого голоса.

Такехико молча, взглянув на Сузуме, пожал плечами и уже собрался окликнуть невидимого незнакомца, возложив кисть руки, на рукоять своего меча, как тот сам, облачённый во всё белое, вернее сказать белоснежное, с высоким, элегантным цилиндром на голове, предстал перед людьми, выйдя к ним из-за деревьев.

– Прошу прощения за столь неожиданное вмешательство в вашу беседу, но мне так одиноко в этом лесу, что я не смог промолчать, – сняв цилиндр и опустив голову, произнёс незнакомец, которого звали Юки.

– Зачем же тогда бродить по лесу в одиночестве, раз оно угнетает душевное равновесие, когда можно выйти к людям, в общество? – спросил Сузуме.

– Моя беда в том, что я могу быть только в этом лесу или в Холодных горах, – ответил Юки, слегка поклонившись. – Такова воля моего отца.

– Сдаётся мне, что перед нами снова какой-то колдун, – прошептал Сузуме, приблизившись к Такехико так, чтобы его слова не услышал незнакомец.

– Да я действительно колдун, но мне ещё лишь предстоит постигнуть все самые главные тайны волшебства, – произнёс Юки, глядя на Сузуме, от чего того прошиб холодный пот.

– Ты умеешь читать по губам? – спросил Такехико, глядя на Юки.

– Нет, но у меня превосходный слух, – ответил Юки, взглянув на Такехико, и добавил, – я живу во владениях своего отца Цуметай в Холодных горах и у нас, когда нет ветра, царит глубокая тишина, от чего я и научился слышать звуки музыки из далёких деревень.

– Весьма занимательное развлечение, – вымолвил Сузуме.

– А других просто нет, – сказал Юки. – Отец всё время в делах, а я пока не научусь колдовать как он, не смогу покинуть Холодные горы, даже на время, чтобы посмотреть на мир, который нас окружает.

– А потом, взглянув на этот мир, ты снова вернёшься к своему отцу? – спросил Такехико.

– Совершенно верно, а если быть точнее, буду вместе с ним охранять покой Холодных гор, – ответил Юки.

– От кого? – спросил Сузуме.

– От колдуньи Акай, – ответил Юки и пояснил, – мой отец хранитель Холодных гор с давних пор, как унаследовал их от своего отца, а эта колдунья, хочет стать их владычицей, чтобы расширить свои владения. Наши горы каждый раз, когда она затевает злое дело, мешают ей подбираться к людям. Если бы мой отец был её сильнее, он давно бы прогнал злую колдунью, а так его сил хватает лишь на то, чтобы противостоять ей, сохраняя Холодные горы за собой.

– Не знаю, обрадует тебя это или нет, но мы как раз идём в гости к колдунье Акай, правда она нас к себе совсем не приглашала, – сказал Такехико.

– Вы с ней знакомы?

– Нет, и честно говоря, имей мы другую возможность узнать всё, что нам нужно, не знакомились бы с этой колдуньей вообще, – ответил Такехико.

– Мне кажется, хоть я и не знаю цели вашего визита к колдунье Акай, мы можем быть полезны друг другу.

– Я тоже так думаю и полагаю, что мой друг Сузуме в этом со мной согласится, – сказал Такехико, поклонившись незнакомцу, и уже распрямившись, произнёс, – меня зовут Такехико.

– А я Юки.

– Так почему же ты очутился в лесу Юки? – спросил Такехико.

– Захотелось разнообразия, а лес как раз стоит возле гор и мне не надо далеко от них уходить, чтобы очутиться в нём, – ответил Юки.

– А почему ваши горы называются Холодными? – спросил Сузуме.

– Своё название они получили из-за того, что часть гор покрыта снегом и зимой и летом, и это касается не только высоких вершин. Снег порой доходит до самых подножий гор и лишь в самую летнюю жару немного отступает наверх.

– И что вам там совсем не холодно? – спросил Такехико.

– Скорее, наоборот, хорошо, потому что я с самого раннего детства привык к вечной зиме Холодных гор, тем более что дворец моего отца находится на одной из заснеженных горных вершин.

– А что скажет твой отец, если увидит нас вместе с тобой? – спросил Такехико.

– Он никогда не делал ничего плохого простым людям, и даже наоборот учил меня тому, чтобы я спасал тех, кто случайно оказался в беде, заблудившись в наших горах.

– Мне кажется, что нам просто необходимо поговорить с твоим отцом, расспросив его про колдунью Акай! – воскликнул Такехико.

– Вы разочарованны тем, что я один не смогу вам помочь? – поник духом Юки.

– Вовсе нет, и это правда, потому что нам сейчас нужна не столько колдовская сила, сколько необходимо знать о колдунье Акаи как можно больше, вплоть до её привычек и привязанностей, – ответил Такехико.

– Тогда вам действительно нужен мой отец, потому что кроме него о колдунье Акаи вряд ли кто-нибудь знает больше.

– Вообще-то такой человек есть, но он исчез, и никто не знает куда, да и встреча с ним опасна, – сказал Сузуме, решив проявить себя в беседе Такехико и Юки.

– Ты говоришь о колдуне Идзивару, родном и единственном брате колдуньи Акаи? – спросил Юки, посмотрев на Сузуме.

– О нём, – почему-то робко ответил Сузуме, переводя свой взгляд с Юки на Такехико.

– А откуда ты знаешь про Идзивару? – спросил Такехико.

– Отец раньше рассказывал мне о нём, да я и сам его видел, когда старый колдун навещал свою сестру, но только это было давно. Отцу помню, тогда пришлось очень тяжело, так как я к тому времени был ещё мал, и он один противостоял сразу двум колдунам и помог им справиться с ними, лишь особые заклинания.

– Выходит твой отец не такой уж и слабый колдун, ибо Идзивару считается могущественным магом и справиться с ним нелегко! – воскликнул Сузуме.

– Я не говорил, что отец слаб, просто у него нет тех сил, чтобы полностью одолеть колдунью Акаи.

– А где твоя мать? – спросил Такехико.

– Этого я не знаю, потому что сам не помню её, а отец мне никогда не говорил о ней, сколько бы я его не расспрашивал.

– Прости, – опустив голову, грустно произнёс Такехико.

– Ничего, я об этом уже не думаю, во всяком случае, стараюсь не думать, ведь в жизни есть и нечто иное, что должно нас занимать.

– Ты говоришь о себе во множественном числе? – спросил Такехико.

– Я имею в виду себя и вас, потому что у нас ещё вся жизнь впереди и нужно посвящать себя в ней только тому, что она сама преподносит нам.

– В тебе заговорил философ, – сказал Сузуме.

– Вы моего отца ещё не слышали! Правда это с ним бывает несколько реже, чем со мной.

– Так значит верно, говорят, каковы родители, таковы и дети! – торжественно провозгласил Сузуме.

– И наоборот, – добавил Такехико, смеясь, показывая рукой на Сузуме.

Глава 2. Встреча с Цуметай, хранителем Холодных гор

Не успели Такехико, Сузуме и Юки выйдя из леса, приблизиться к подножию одной из ближайших к ним Холодных гор, как на их пути, внезапно возник колдун Цуметай, облачённый в белые одежды.

– Юки, я кажется сегодня, тебе не позволял покидать наши горы! – сердито проговорил Цуметай, глядя на сына, пронзительно холодным взглядом.

– Мы с тобой говорили об этом вчера, отец, – склонив голову, произнёс Юки.

– Всё равно ты сегодня утром должен был ещё раз испросить у меня разрешения покинуть Холодные горы, ведь ты же знаешь, какая опасность тебя подстерегает, когда меня нет с тобою рядом и особенно, если я не знаю где искать тебя.

Не смея произнести ни слова, Такехико и Сузуме, молча, ждали, чем закончится беседа отца с сыном.

– Я помню об этом отец, и постараюсь впредь больше не совершать подобных ошибок, – ответил Юки.

– Хорошо, а теперь пусть наши гости расскажут нам о себе, – обратил свой взор Цуметай на Такехико и Сузуме.

– Именно за этим я и привёл их к тебе, отец, – сказал Юки, опередив в словах Такехико, который, уже почти собравшись с мыслями, намеревался рассказать свою историю колдуну Цуметай.

– Мне показалось или же я действительно спросил у людей, а не у тебя Юки, поведать мне о том, что их двоих привело сюда, в наши Холодные горы, – нахмурился колдун Цуметай, взглянув на сына.

Юки склонив голову ещё ниже, промолчал, и тогда Такехико, поклонившись колдуну Цуметай, начал свой рассказ.

Когда он закончил его, колдун Цуметай, взмахнул руками, и в тот же миг, все переместились в каменный дворец хозяина Холодных гор, оказавшись в его мраморном, тронном зале.

– В стенах родного дворца, мне всегда лучше думается, да и места более безопасного, чем это, во всех Холодных горах больше нет, – сказал колдун Цуметай, присаживаясь на свой трон.

Люди почтенно опустили на колени перед троном, а Юки подойдя к отцу, встал рядом с ним, по его правую руку.

– Сразу ответить тебе, чтобы прояснить суть вещей и дать ответы на все вопросы, я не могу, – обратился колдун Цуметай к Такехико. – Мне сначала необходимо всё тщательно обдумать, чтобы принять правильное решение, как тебе помочь. Колдунью Акай, которая тебе нужна, я хорошо знаю, мы давно с ней враждуем, но этого мало, чтобы моя помощь тебе оказалась безошибочной. Поэтому Юки вас сейчас проводит в комнату для гостей, где есть еда и всё необходимое, и где вы сможете хорошо отдохнуть, а дальнейший наш разговор, состоится позднее, и не сегодня.

Такехико и Сузуме молча, встали, поклонились колдуну Цуметай, и, последовав за Юки, который тоже не проронил ни слова, покинули тронный зал хозяина Холодных гор.

Так сохраняя молчание, все трое шли, каждый со своими мыслями, до самой комнаты гостей, и только когда они вошли в неё, к ним вернулся дар речи.

– Твой отец всегда такой загадочный? – спросил Сузуме.

– Это с ним бывает, когда нужно решить сложную задачу, а в остальном он более чем прост, – ответил Юки.

– Как думаешь, он нам поможет? – спросил Такехико.

– Думаю, что да, иначе бы не стал обещать, – утвердительно ответил Юки.

– А далеко от вас живёт колдунья Акай? – спросил Сузуме.

– Если брать в расчёт дорогу через наши Холодные горы, то один день неспешного пути, а если взять расстояние от начала Жёлтой долины, то до дворца колдуньи Акаи будет всего полдня спокойной ходьбы.

– Не близко, – проговорил Сузуме.

– Вас это не должно волновать, потому что мой отец поможет вам преодолеть это расстояние быстрее.

– Хорошо быть колдуном, никакие расстояния не страшны, – вздохнул Сузуме.

– А я наоборот, всегда мечтал быть простым человеком, – грустно произнёс Юки.

– Так в чём же дело? Перестань колдовать и будешь им! – воскликнул Сузуме.

– Увы, это невозможно, – отрицательно покачал головой Юки. – Я сын колдуна и по нашим законам, не имею право жить иначе.

– А мне казалось, что у вас всегда есть выбор, – произнёс Сузуме.

– Я тоже так думал, – присоединился Такехико к словам друга.

– Перед тем как вас оставить в этой комнате, я скажу вам, что вы ошибались.

Глава 3. Ночное нападение на дворец

Тихая, безмолвная ночь, мирно опустившись с потемневших небес, окутала атласным, воздушным, иссиня-чёрным покрывалом заснеженные вершины Холодных гор, погрузив дворец колдуна Цуметай в темноту. Лишь взошедшая на безоблачное небо, ослепительная молодая красавица луна, вся окружённая яркими точками мерцающих звёзд, словно принцесса придворной свитой, пустившись в тот недолгий путь, на который ей отвела время госпожа ночь, буквально разрежала своим холодным, почти стальным, пронзительным светом, непроглядную чёрную тьму, многократно после этого отразившись россыпью мельчайших, переливающихся, серебряных искр, на кристально чистом, не тронутым белом снегу.

И надо же было случиться тому, что в эту чудную спокойную ночь, когда даже ветер, обычно сильный в этих местах, сегодня умерив свой пыл, неторопливо скользил по белому снегу, лишь изредка поднимая недавно выпавшие снежинки в лёгкий приятный морозный воздух, некто, скрывая своё лицо под серым капюшоном холщовой накидки, решил нарушить сон колдуна Цуметай, своим безрассудным, и весьма дерзким нападением на дворец.

Первое с чего он начал, это с большим бревном наперевес, которое он принёс сюда из леса, попробовал с разбегу, пробиться через большие деревянные двери, но те были так хорошо защищены волшебством колдуна Цуметай, что нападавший даже не смог к ним приблизиться. Тогда незнакомец предпринял попытку проникнуть во дворец через первое, попавшееся ему окно, но так же благодаря защищавшему все окна волшебству, не смог этого сделать. Однако, не успокоившись на этом, он принялся за окна с обратной стороны дворца, но и тут, сколько ни пытался, испробовав поочерёдно много разных окон первого этажа и даже второго, не смог добиться нужного ему результата.

Поняв, что тут не обошлось без колдовства, ночной визитёр, взяв бревно на плечо, спокойным шагом обошёл дворец колдуна Цуметай целиком, и убедился, что подойти он может только к дворцовым стенам, что вполне его устроило.

Вооружившись тем же бревном, незнакомец, явно не собиравшийся скрывать своего присутствия, начал так сильно им орудовать, стуча по одной из стен дворца, что во все стороны полетели не только деревянные щепки от бревна, а и осколки сосулек, падавших с крыши, венчавшей дворец колдуна Цуметай, и разбивавшихся об голову и плечи ночного буяна.

К чему бы эта попытка ночного вторжения, больше похожая на грубое озорство могла привести, нам теперь уже никогда не узнать, потому, что проснувшийся от шума производимого незнакомцем, колдун Цуметай сразу же предпринял меры по защите стен своего дворца, при помощи магии, чем вполне надёжно оградил себя от неизвестного, не покидая при этом пределов своего жилья.

И поскольку неизвестный нарушитель ночного спокойствия, не обладал умением колдовать, ему пришлось немного отступить назад, чтобы придумать новый план действий, так как сдаваться он, пока ещё не собирался.

И не придумав ничего более оригинального, он попросту стал закидывать вход во дворец, большими снежками, образуя возле парадных дверей большую кучу снега.

Но тут уже случилась беда лично для него, и куда страшнее, чем его детская шалость со снегом.

Откуда ни возьмись, появилась колдунья Акаи, что поначалу даже не остановило незнакомца, ибо он ни малейшего представления себе не имел, что это за старуха вдруг возникла перед ним.

Грубо обозвав её старой макакой вмешивающейся в чужие дела и отвлекающей его от задуманного, он преспокойно продолжил своё занятие, решив скатать огромный снежный

ком, чтобы потом закинуть его на крышу дворца колдуна Цуметай, завалив тем самым печную трубу снегом.

Но сделать этого он не успел, потому что непривыкшая к подобным обращениям в свой адрес, колдунья Акаи, обрушила на дебошира снежный ураган, в два счёта подхвативший того, как пушинку и унёсший с собой в непроглядную ночную тьму.

Следом за ним, вместе с остатками снежного урагана, исчезла и колдунья Акаи, успев при этом встретиться взглядом с колдуном Цуметай, когда тот подошёл к окну, чтобы предпринять попытку захватить нападавшего и посмотреть вообще на то, что происходит за окном.

Далее ночь оставалась спокойной, но колдун Цуметай спать уже не ложился и наступающее утро встретил, находясь на своём троне, где прислушиваясь к тишине, гадал над причиной появления ночного визитёра, которого он не видел, за то прекрасно разглядел через окно, оставленные им следы и злополучное бревно внушительных размеров, поняв, что незнакомец был большого роста.

Да-да, это был не кто иной, как великан Оокина. И действовал он как всегда не по своей личной прихоти, а по воле своего глубоко обожаемого господина, которому сейчас не было спокойствия из-за того, что от него совсем недавно, прямо в его родном Чёрном лесу, смогли сбежать люди, чего раньше с ним никогда не случалось. Простить такого представителям человечества, хозяин Чёрного леса никак не мог, решив непременно отомстить за нанесённую ему обиду.

Вот именно поэтому-то демон Дааку и послал сюда своего верного слугу на разведку, чтобы тот смог отыскать здесь следы тех самых людей, разрешив ему действовать по своему усмотрению, что он и сделал, придя сюда ночью с бревном в руках. А в том, что поступок слуги демона Дааку оказался крайне несуразным, объяснялось, увы, его не глубокими умственными способностями о которых мною уже говорилось.

Глава 4. День после нападения

В наступившее утро нового дня, едва в чистое голубое небо взошло солнце, в комнату для гостей, предварительно постучавшись, вошёл Юки.

– Отец срочно приглашает вас к себе.

– Что-нибудь случилось? – встревожено спросил Такехико. – Я слышал ночью непонятный, и достаточно громкий шум.

– Мне лишь велено пригласить вас к нему, а в остальном, что касается ночного происшествия, вам станет известно лично от него.

– Я не узнаю тебя Юки, – сказал Сузуме, подходя к нему.

– Простите меня, но я не хочу, чтобы мой отец гневался на меня, из-за моего нового непослушания, поэтому молча, следуйте за мной и наберитесь терпения, оно вам ещё понадобится.

Слегка поклонившись людям, Юки вышел из комнаты и остановился за дверью, ожидая, когда они будут готовы следовать за ним в тронный зал колдуна Цуметай.

Наскоро собравшись, Такехико и Сузуме, покинули комнату для гостей.

Когда же они в сопровождении Юки пришли в тронный зал, колдун Цуметай встретил их, восседаая на своём троне.

– Простите меня за то, что я не дал вам позавтракать и пригласил вас несколько раньше, чем собирался, но тому есть особая причина: этой ночью, некто, оставшийся для меня неизвестным, пытался проникнуть в мой дворец. Что ему было здесь нужно, мне выяснить пока не удалось, потому что схватить его я не смог, точнее сказать не успел. И что более всего странно, если я, конечно, не ошибаюсь, его прогнала колдунья Акаи, да так, что он после её появления, моментально исчез. Однако оставленные им следы, на белом снегу окружающем мой дворец, меня поразили своими размерами, свидетельствующие лишь о том, что нападавший был большого роста. Из вашего рассказа я помню, что великанов на своём пути вы не встречали, а стало быть, интерес ночного визитёра к моему дворцу, пока остаётся неизвестным, хотя я всё же не исключаю того, что он хотел видеть именно вас. Остаётся последний вопрос, на который мне придётся искать ответ не меньше чем на первый: зачем колдунье Акаи понадобилось защищать мой дворец. Опасение, что кто-то захватит его без её участия, вряд ли обосновано, потому что ей была бы вообще на руку посторонняя помощь, так как расправляться с неугодными помощниками, Акаи умеет лучше всего. Поэтому, заканчивая свои размышления, хочу попросить вас подумать над следующим вопросом: где вы могли встретить этого великана, пусть даже не столкнувшись с ним вплотную? Не спешите с ответом, мы продолжим наш разговор позднее, а сейчас Юки проводит вас обратно в комнату для гостей, где вам приготовлен завтрак.

– Простите меня, но своё предположение, кто бы это мог быть, я могу сказать уже сейчас, – ответил Такехико.

– Я слушаю тебя, – сказал колдун Цуметай.

– В своём рассказе я упоминал о демоне Дааку, хозяине Чёрного леса и ни словом не упомянул о великане Оокина, его верном слуге, с которым мы там, открыто, не встречались, но исходя из рассказа о нём, драконом Тацу, дело без него обойтись никак не могло.

– В твоих словах определённо есть здравый смысл, и я думаю, что именно великан Оокина был сегодняшней ночью здесь, а значит, демон Дааку, скорее всего до сих пор имеет к вам свой интерес. Остаётся только один вопрос: что ему было нужно от вас, пока вы находитесь у меня во дворце, и неужели нельзя было дождаться, того момента, когда вы продолжите свой путь дальше? К такому выводу я только что пришёл, исходя из твоих слов, в которых ты мне сказал, что у демона Дааку в слугах есть великан. Едва я об этом подумал, как меня снова

одолела раннее возникавшая уверенность в том, что он приходил именно к вам. А причиной подкрепившей прежние сомнения стало то, что я и о нём, и о его хозяине демоне Дааку, слышу впервые.

Немного помолчав, колдун Цуметай добавил к уже сказанному:

– Это происшествие вынуждает меня покинуть свой дворец для выяснения всех обстоятельств, связанных с ним, поэтому будьте на это время моими гостями и наш сегодняшний разговор мы продолжим позднее, когда я вернусь.

Глава 5. Великан Оокина в плену у колдуньи Акаи

Новый день сулил новшества не только колдуну Цуметай и его гостям, он так же был наполнен неизвестностью для верного слуги демона Дааку, великана Оокина, находящегося у колдуньи Акаи в плену.

Его заточение началось сразу же после того, как он подхваченный снежным ураганом возле дворца колдуна Цуметай, был унесён в Жёлтую Долину, где колдунья Акаи, не дав ему даже опомниться, при помощи магии, быстро и надёжно связав всё его тело от головы до пят толстыми верёвками, бросила в каменную темницу. Деревянное помещение по её мнению, для такого пленника, хоть и крепко связанного, явно не годилось.

А беседу с ним, она решила отложить до утра, так сказать на свежую голову, и как только день начался, колдунья Акаи проснувшись, наскоро позавтракав, пришла к своему пленнику.

– Так что же тебе понадобилось от колдуна Цуметай и кто ты такой, откуда взялся в наших краях? – спросила колдунья Акаи, глядя на связанного тяжёлыми, надёжными толстыми верёвками, великана Оокина, лежащего на полу, в углу огромной каменной темницы.

– Немедленно освободи меня старуха, иначе, когда сюда заявится мой господин, ты горько пожалеешь о том, что не сделала этого раньше!

– Мне, представь себе, до смешного жаль тебя разочаровывать, но я никого не боюсь, – спокойно разглядывая великана, ответила колдунья Акаи.

– Это потому что ты просто незнакома с моим господином!

– Сказано, конечно, громко, и если ты наивно полагая, надеешься меня этим запугать, то напрасно стараешься. Задумайся лучше о том, как уговорить меня погубить тебя сразу, не подвергая особо долгим мучениям.

– И ты меня зря пугаешь, старуха!

– Ты так думаешь?

– Уверен!

– Напрасно, я своих слов на ветер никогда не бросаю.

– Я тоже!

– Подумать только, какое совпадение жизненных принципов. Так чего доброго я ещё вдруг сожалеть начну, что ты не мне служишь.

– Зря насмехаешься надо мной.

– Почему же зря? Пока я держу тебя связанным, а не наоборот.

– Да мне до боли в сердце будет жаль своего господина лишь за то, что ему придётся поднять руку на такую старую обезьяну как ты!

– Вот только за одни эти твои слова, вместо того чтобы сразу погубить твоего господина, я сделаю для него особое исключение, превратив его в старую макаку. Тебе же предоставлю возможность посмотреть на это. А потом, я посажу тебя вместе с ним в одну клетку, где вам предстоит просидеть вдвоём без пищи, вплоть до тех самых пор, когда чувство голода, взяв верх над разумом, сумеет заставить одного из вас наброситься на другого, с одной только единственной целью, насытить свой изголодавшийся желудок.

– Весьма хорошая идея! – воскликнул демон Дааку, неожиданно появившись в каменной комнате. – Лишь надо сделать маленькую поправку в отношении тех самых личностей, которым предстоит сидеть в клетке, поскольку я лично сидеть в ней, как того желаешь ты, поверь мне, не собираюсь. И главное, понимаешь ли, моя беда на эту минуту, как раз состоит в том, что я пока не знаю, кого найти тебе в пару.

– Так это и есть твой пресловутый господин? – невозмутимо спросила колдунья Акаи, демонстративно указав рукой на демона Дааку, в то время как сама смотрела в сторону великана Оокина.

– Он самый, причём, смею тебя заверить дорогуша, твоё напыщенное обещание превратить меня в обезьяну, в данном случае так и останется несбыточным обещанием, нечто вроде химеры, – вместо великана Оокина, ответил демон Дааку.

– Я смотрю у твоего господина столько же наглой, непревзойдённой самоуверенности, сколько и у тебя, – сказала колдунья Акаи, продолжая смотреть в сторону великана Оокина.

– Может, вместо разговора с моим слугой, раз уж я лично нахожусь здесь, поговоришь со мной?

– Только недолго, – ответила колдунья Акаи, как бы нехотя развернувшись к демону Дааку.

– Торопишься?

– Не люблю надолго откладывать задуманное.

– Неужели наши часы уже сочтены?

– Хочу тебе сказать – твоя наигранность сейчас настолько напрасна, что граничит не только с верхом наивности, а ещё и с верхом безрассудства!

– Как знать.

– Уж не думаешь ли ты мне помешать?

– Хотел бы я, конечно, знать, в каком деле могу тебе помешать, но не понимаю, о чём ты меня сейчас спрашиваешь?

Подойдя к демону Дааку почти вплотную, колдунья Акаи просверлив того своим взглядом, делая акцент на каждом слове, произнесла:

– Ты или наглец из числа тех проходимцев, каких в природе не часто встретишь, или...

– Или... или, – проговорил демон Дааку, перебивая колдунью Акаи, в свою очередь, впериw свой взгляд в её глаза.

– Как скажешь, – выпалила колдунья Акаи, взмахнув руками, после чего мгновенно пропала.

– Что ж, если игра началась с прятков, поиграем сначала в них, – воскликнул демон Дааку, плавно растворившись в воздухе.

Не успевший обратиться к своему господину до того как тот исчез, великан Оокина, когда остался один в каменной темнице, продолжая лежать связанным на прежнем месте, решил, что про него забыли.

Но ему недолго пришлось пребывать в одиночестве.

Демон Дааку снова возник в темнице, только на этот раз, чтобы освободить великана Оокина, и вот он уже собрался это сделать, как вдруг всё его тело сначала оцепенело, потом сжалось, и уже уменьшившись в размере, покрылось густой шерстью, приобретя окончательный облик макаки, оставив прежними лишь чёрные злые глаза со вспыхивающими в них искорками огня ненависти.

Тут же в темнице появилась колдунья Акаи.

– Теперь осталось лишь запереть вас обоих в этой темнице, дабы преподать вам наглядный урок на будущее, точнее сказать для того одного, кто из вас двоих останется в живых, и клянусь, я дарую ему свободу!

– Не клянись напрасно, не торопи событий! – воскликнул демон Дааку, приняв своё обличье.

– По-моему это ты торопишься! – воскликнула колдунья Акаи, обращая демона Дааку, снова в макаку.

И вновь демон Дааку разрушив колдовство колдуны Акаи, предстал перед ней в своём грозном обликии, устремив на неё страшный пронзительный взгляд чёрных злых глаз, со вспыхивающими искорками огня ненависти в зрачках.

Он не торопился применить своё колдовство против старой колдуньи, поскольку обладая бессмертием, не боялся её и был сейчас занят лишь тем, что хотел всласть позабавиться над самодовольной старухой, сильно уверовавшей в то, что может с ним справиться.

Только взгляд его злых глаз немного мешал ему в этом спектакле, ибо он хотел изобразить в них растерянность.

Впрочем, и злость в горящих глазах, была здесь к месту, якобы выражая все эмоции демона Дааку на применявшееся к нему колдовство. Во всяком случае, не обратить на них внимания, колдунья Акаи просто не могла, что вполне сейчас устраивало её злого незваного гостя, отчаянно взиравшего на коварную хозяйку Жёлтой Долины, своими страшными глазами.

Но колдунья Акаи, даже не дрогнув от пристального взгляда демона Дааку, в мгновение ока, поддавшись нахлынувшей на неё злости, вся покраснела, вплоть до кончиков ушей, налившись краской, словно переспелый помидор, после чего буквально прошипела новое заклинание, обратив своего соперника снова в макаку.

На этот раз колдовская сила демона Дааку не смогла разрушить чары колдуньи Акаи, и сколь тщетно он ни пытался, вернуть себе прежний свой облик, ничего у него не получилось.

Он только напугал своего верного слугу великана Оокина, решившего, что его господин отныне навсегда останется обезьяной, и позабавил бесплодными попытками сбросить с себя магические чары, колдунью Акаи, доведя её до смеха сквозь слёзы.

– Тебя не в клетку сажать надо, а в бродячий цирк в помощь клоунам отдать следует, – давась от смеха, еле выговорила колдунья Акаи, и тут же застыла как каменная.

– Вставай живо, – проговорил демон Дааку, скинув верёвки с тела великана Оокина, коротким заклинанием, сам, оставаясь в облике макаки.

– Позвольте мне мой господин, я раздавлю эту старуху, – пробасил великан Оокина, вскочив на ноги, но склонившись к полу, чтобы не удариться головой об невысокий для его роста потолок, почти уже приготовившись исполнить задуманное, и ожидая на это, лишь разрешение демона Дааку.

– Остановись! Погубить столь могущественную колдунью без магии, к тому же особой сверхсильной магии, тебе не удастся, а у меня на это сейчас нет сил, и более того времени, так как она должна скоро ожить, потому что наложенное мною на неё заклятие, хоть и сильное, имеет быстротечное действие. Поэтому не будем дожидаться, когда колдунья очнётся от забвения, и вернёмся сейчас лучше в мой дворец, оставив сладкую месть в её адрес, на другой раз, при других, более подходящих для такого дела обстоятельствах, когда я буду полностью готов, чтобы воздать ей по заслугам, заставив её выть от досады, ломая ногти об каменные стены собственной темницы.

Глава 6. Тайная пещера секретов

Уже несколько минут провёл колдун Цуметаи в пещере предков, где была надёжно спрятана волшебная сила, раскрывающая тайну вопросов на события из прошлого, которым в бренном мире бывает трудно найти ответ.

Эта пещера открытая ещё основателем династии колдунов, хранителей Холодных гор к которому принадлежал Цуметаи, всегда переходила внутри их семьи по наследству, принадлежа им уже более тысячелетия, и никто другой не знал к ней пути, надёжно скрытого при помощи магии от посторонних глаз, не позволяя сюда заходить не только простым смертным, но и колдунам.

Дворец, в котором ныне жил колдун Цуметаи, ещё до его рождения не раз перестраивался, увеличивался в размерах, подчиняясь прихотям в них живущих, тогдашних владельцев.

Не стало исключением и время правления колдуна Цуметаи, когда он, вступив в права владения вотчиной, сам коснулся святая святых, частичной переделки дворца под свои запросы.

Но что касается этой пещеры предков, где он сейчас находился, то здесь ничего не менялось со дня её основания, с того самого момента, когда камни, из которых было в ней всё обустроено, впитали в себя волшебную силу и могущество, первого хранителя Холодных гор.

Все последующие поколения хранителей Холодных гор были слабее своего родоначальника, но, так же как и он, следуя его заветам, наполняли пещеру предков новыми знаниями, волшебной силой, оставляя в ней мудрость и опыт жизни, чтобы их потомки смогли узнать и передать дальше, уже своим потомкам, накопленные, хранящиеся в пещере знания в области магии.

И благодаря этим знаниям, воспользовавшись магической силой пещеры, колдун Цуметаи сейчас узнал, кто приходил к нему ночью, что ему было надо, а также услышал имя Дааку, получив тем самым подтверждение своим догадкам о его причастности к случившемуся ночному нападению.

На остальные вопросы, касающиеся того, будут ли ещё нападения великана Оокина и возможно демона Дааку, волшебная пещера дать не могла, потому что она являлась хранилищем былого, и ей становилось известно всё, что уже когда-то, где-то случилось, оставляя будущее в неведении.

Колдун Цуметаи об этом знал, а потому искал ответы только в прошлом, где как раз можно было узнать о том, что случилось с Такехико в тот день, когда он побывал в доме колдуна Идзивару, и что знает об этом Акаи.

И пещера ему об этом рассказала, раскрыв тайну проклятья Идзивару, познав которую колдун Цуметаи понял то, о чём уже догадывался, и чему теперь получил необходимое доказательство, касающееся в первую очередь того, что без колдуньи Акаи судьба Такехико не имеет будущего.

Но также неожиданным и в тоже время неприятным для него открытием предстал ответ, что Такехико не должен знать всего, с чем ему предстоит столкнуться, после того, как он придёт в Жёлтую Долину.

Ещё немного пробыв в пещере и узнав, что случилось с демоном Дааку и великаном Оокина, когда они столкнулись с колдуньей Акаи, колдун Цуметаи предприняв все меры предосторожности, покинул пещеру знаний.

Оказавшись на вершине горы в глубине, которой скрывалась пещера секретов, колдун Цуметаи поначалу хотел, было отправиться в Жёлтую Долину к колдунье Акаи, чтобы вмешаться в её конфликт с демоном Дааку, но, решив, что с этим пока можно повременить, вернулся к себе во дворец.

Его опасения насчёт того, что Акаи может погибнуть в борьбе с хозяином Чёрного леса и его слугой великаном Оокина, давали ему серьёзную почву к размышлениям, поскольку нежелательное соседство с новым обладателем Жёлтой Долины, которым мог стать демон Дааку, представляло собой более страшную угрозу для будущего династии хранителей Холодных гор, нежели та привычная опасность, исходившая от нынешней её владелицы.

Привычной, и можно сказать даже обыденной, а потому не такой уж серьёзной опасностью для себя и своего сына Юки, колдун Цуметай считал периодические, когда редкие, а когда и довольно частые, нападки колдуны Акаи, на его владения, причинявшие тем самым ему лишь незначительные неудобства, поскольку волшебные силы обоих колдунов были равны.

Глава 7. Зачем колдунья Акаи понадобился монстр Каидзюу

Захлопнув книгу заклинаний и углубившись в череду стремительно набегающих мыслей, колдунья Акаи встав из-за стола, неспешно подошла к окну, где, посмотрев через него вдаль солнечного дня, вернувшись сознанием в действительность, произнесла:

– Так значит, демон Дааку и его слуга великан Оокина были у меня сегодня в темнице, и, стало быть, отныне, они оба являются моими заклятыми должниками.

Отойдя от окна, она, медленно прохаживаясь по комнате, продолжила разговор сама с собою:

– Сегодня вам удалось скрыться из моей темницы, причём вы даже умудрились околдовать меня. Хорошо же, я вам это припомню мои дорогие, и не будь я колдуньей Акаи, если вы оба не заплатите мне за это сполна!

Остановившись и резко развернувшись на месте, колдунья Акаи громко воскликнула:

– Ты можешь войти, Кэраи!

В комнату вошёл слуга колдуньи Акаи, приближение которого она почувствовала ещё, когда он поднимался к ней на второй этаж, по широкой парадной лестнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.